

Б. КОНОФАЛЬСКИЙ

**Из записок опричного
монаха**

Линкор “Альбион”

Часть 2

ПРАВЬ, БРИТАНИЯ

Борис Конофальский

Линкор «Альбион».

Часть 2. Правь, Британия

«Автор»

2023

Конофальский Б.

Линкор «Альбион». Часть 2. Правь, Британия /
Б. Конофальский — «Автор», 2023

Окончание романа о храброй боевой монахине Зое Собакиной и её
товарищах.

© Конофальский Б., 2023

© Автор, 2023

Борис Конофальский

Линкор «Альбион».

Часть 2. Правь, Британия

Л.А. ПРАВЬ, БРИТАНИЯ

Глава 1

Ближе к вечеру со стороны Вицхафе по главной восточной дороге, оставляя после себя жирные клочья чёрного угольного дыма, в Гамбург влетел роскошный паровой двухкотловый «Даймлер». Паровой агрегат летел, пренебрегая хоть какой-то дорожной вежливостью, он совершал резкие манёвры, обгоняя тяжёлые и медленные грузовые экипажи и распуская мощными гудками гужевые повозки.

За колесом управления этой дорогой и быстрой машины восседал мрачный тип в кепке, кожаной куртке и автоочках на резинке, на руках его красовались запylённые перчатки с крагами. Впрочем, в пыли были не только перчатки, пыль покрывала и всю его одежду. Было ясно, что агрегат приехал в Гамбург издалека. А на запятках машины качался в такт зигзагам движения экипажа такой же запylённый, как и водитель, грум.

Въехав в населённый пункт, экипаж значительно снизил скорость – видно, водитель решил избежать возможных жертв и происшествий на переполненных улицах большого города – и уже не спеша доехал до фешенебельного отеля «Атлантик Гамбург». Только тут он остановился и, сбрасывая избыточное давление в котлах, щёлкнул клапанами и со свистом выпустил из своих недр горячее облако белейшего пара.

Тут же грум проворно соскочил с запяток и кинулся к двери экипажа, но прежде чем открыть её, откинул ступеньку трапа и лишь потом распахнул дверцу и замер в поклоне.

– Прошу вас, Ваша Светлость.

Прошло изрядное количество времени, секунд, наверное, пятнадцать, прежде чем на ступеньку встал штиблет Светлейшего, приобретённый по настоянию самых последних веяний петербургской моды.

Затем показалась трость из красного дерева с золотой рукоятью, а уже после всего на землю на удивление легко выпорхнул весьма немалых размеров мужчина в самом расцвете лет. Выпорхнул и засиял, словно солнце. Засиял, ибо был он ослепителен в своём великолепии. Скромный серый сюртучок был обшит по рукавам и обшлагам чёрным шёлком, на манер смокинга, прекрасные малиновые панталоны изумительно гармонировали как с сюртучком, так и с жилетом из расшитого лилового атласа, а цилиндр был так же лилов, как и жилет. Перчатки человек носил лайковые, а манжеты его белоснежной рубашки были из тончайшего кружева. И венчал всё это великолепие алый галстук с заколкой из крупного изумруда. А ещё – видно, чтобы подчеркнуть свою эксцентричность, – человек, вышедший из экипажа, носил на запястье левой руки длинную золотую цепь. Цепь та была толста и в несколько витков обвивала кисть этого изысканного человека, а на её конце болтался хрустальный флакон для духов, что был величиной с небольшое яблоко. Господин тут же изящно сбрызнул себя несколькими каплями из этого флакона, а потом оглядел здание, к которому подъехал. Оглядел его сверху донизу и, судя по выражению лица, остался не то чтобы доволен увиденным, но во всяком случае не разочаровался.

Сбежавший по ступенькам гостиничный привратник сразу понял, что особа, явившаяся в их заведение, непроста, и, низко поклонившись, сказал:

– Рады вас приветствовать в нашем доме.

А грум, слышавший это, поправил его высокопарно и с дурным немецким произношением:

– К господину надобно обращаться «Ваша Светлость» или князь. Так как перед тобой князь Бельский.

– О, да, да, – понимающе кивал привратник. – Конечно, господин князь.

А грум уже давал ему указания и на всё том же плохом немецком языке перечислял:

– Его светлость желает проживать в лучшем номере вашего заведения. В лучшем. Я и водитель должны жить в соседнем номере для слуг. В комнатах князя всегда должно быть шампанское во льду, вина из Медока, фрукты самые свежие и сыры: мягкие и твёрдые. А ещё пришли мне лакеев снять и перенести багажи Его Светлости. Также пришли прачек стирать его одежду, Его Светлость любит надевать чистую одежду каждый день. Ты всё запомнил или мне повторить? – с этими словами грум достал из кармана монету и протянул её привратнику.

Тот, увидав монету, округлил глаза и даже поначалу побоялся брать её, думая, что это какая-то ошибка, но грум пихнул её ему в руку и повторил вопрос:

– Ты всё запомнил?

– Вам лучше всё это сказать портье, – испуганно разглядывал деньги привратник, – а я могу лишь позвать лакеев для переноски багажа.

– Сделай хоть это, – назидательно произнёс грум.

И когда привратник, зажав в руке деньги, хотел было уже убежать звать лакеев, князь, немножечко высокомерно и в тоже время элегантно, остановил его, зацепив за ворот камзола золотой рукоятью трости.

– Друг мой... Постойте, окажите любезность.

Сказал он это на прекрасном литературном немецком языке, в котором едва улавливался намёк на верхнесаксонский диалект или даже на лейпцигско-дрезденский выговор.

Привратник замер и уставился на князя, немного при том оцепенев. А князь продолжил:

– Ванная с горячей водой, надеюсь, в моём номере будет?

– Как же... Конечно, будет, – кланялся привратник. – У нас все номера с ванными и горячей водой.

– Очень на то рассчитываю, – князь снисходительно улыбнулся и даже, в знак расположения и необыкновенной своей демократичности, слегка похлопал его по плечу.

И после, не обращая внимания на своих слуг и работников гостиницы, стал подниматься по ступенькам, и войдя в большой и роскошный холл дорогого заведения, сразу нашёл вывеску «Ресторан» и отправился в ту сторону.

В ресторане народа было немного: обед давно уже закончился, а до вечернего отдыха было ещё далеко. Князь уселся за столик у окна, придирчиво осмотрел белоснежную накрахмаленную скатерть, потом взял вилку и проверил её на предмет пятен, потом так же исследовал фужер. Кажется, и сейчас ему не в чем было упрекнуть заведение. И он обратил внимание на спешащего к нему официанта в белом переднике до пола.

– Изволите взглянуть меню? – сразу предложил тот.

– Нет нужды, – ответил князь. – Голубчик, принеси-ка мне рюмку анисового шнапса, какой подают в лейпцигских заведениях, есть у вас такой?

– Конечно, господин. У нас такой имеется. Ещё чего-нибудь?

– Конечно. Ещё мне большую чашку кофе и сливок принеси, и францбрётхен, если есть свежие.

– Конечно, господин, всё у нас имеется.

– А кофе прошу, чтобы был без робусты. Не выношу робусту даже на запах, – предупредил князь.

– Не извольте волноваться, кофе чистая арабика, бразильского происхождения, – уверил его официант. – А что пожелаете из горячего?

– Ну..., – важный господин задумался.

– Может, вам всё-таки меню?

– А скажи-ка, любезный, повар у вас хорош? Я тут пробуду несколько дней, а может, и недель, и дурных поваров я не жалую, если плох он, то я отсюда съеду.

– Не волнуйтесь, господин, повар наш лучший в Гамбурге, – хвалился официант.

А князь лишь усмехнулся ему в ответ, достал платок, вытер губы и произнёс со вздохом:

– Ведь в каждом заведении мне такое врут! Ладно, вели повару, пусть к ужину сделает мне ростбиф с розмарином.

– Непременно, – обещал официант.

– И чтобы прожарка была средней, – продолжал князь, – излишней крови я не люблю. Но чтобы и сухой не был. Понял?

– Не извольте сомневаться, всё будет в лучшем виде, – снова заверял его официант.

– Всякий раз мне такое говорят, – ворчал посетитель. – Ладно, неси водку и кофе.

***

– Слышь, князь. Ты не больно-то размахнулся? – спросил Вадим Валерьевич Варганов, человек с очень большими кулаками, он же брат Вадим, инок во Ордене, по совместительству водитель и ближайший помощник «князя». Брат Вадим сидел за столом, разложив перед собой все монеты и ассигнации всех стран и земель, коими они располагали. Он тщательно пересчитал наличность, почесал пятернёй свою почти лысую, в шрамах, голову и продолжил: – Поэкономнее нам надо, слышь, Ваше Сиятельство?

– Ах, оставь, – отмахнулся «князь», он же брат Ярослав, некогда в миру носивший имя Ярослава Андреевича Горского. – Не до тебя мне, – он развалился в кресле, перед тем скинув сюртук, жилет и галстук, а теперь махал на себя платком от вечерней духоты и приговаривал: – Мне и без тебя дурно.

Брат Ярослав носил в Опричном ордене степень великосхимного монаха, то есть был на два звания выше брата Вадима, что, однако, не мешало тому упрекать начальника:

– Это потому, что ты сожрал целую вырезку один! Мог бы попросить, чтобы хоть половинку в номер занесли. Так было бы по-честному, по-людски.

– Ах, оставь ты это, – лениво махнул на своего товарища платком архидьякон, – сходил да купи себе сосиску и не донимай меня своими нравоучениями. Ты лучше скажи, ванна уже набралась?

– Уж набралась и остыла, пока ты гортанобесие своё по ресторанам тешил да деньги транжирил; я уже новую набрал. Иди купайся, да только недолго, брат Валерий придёт, тоже мыться будет.

Брат Ярослав встал и, скидывая штиблеты на ходу, пошёл в ванную. Был он высок ростом и на вид крепок, но что-то было в его фигуре от увальня, оттого и сила его казалась ленивой. Ко всему был он ещё рыж и носат, хотя общее впечатление о нём у всякого, кто его видел, складывалось скорее приятное, так как казался он человеком вовсе не злобным и не высокомерным. Проходя мимо брата Вадима, он вскользь взглянул на разложенные в свете лампы деньги и спросил:

– Клапан на втором котле так и стучит?

– Стучит, сволочь. Всё-таки придётся менять. Нужно найти мастерскую. Завтра займусь.

– Уж займись, – велел «князь» и скрылся в ванной комнате.

А брат Вадим собрал со стола все деньги, бережно свернул ассигнации и сложил их в портмоне. Золото и серебро он собрал в отдельный кошелёк. В отличие от беспечного своего священноначальника, брат Вадим проявлял некоторую озабоченность. Волновался о том, что средств, выделенных на впопыхах организованную командировку, явно не хватает.

И тут в их роскошный номер явился и третий человек, что играл в их спектакле роль грума. То был инок во Ордене брат Валерий, в миру Валерий Владимирович Павлов. Он принёс в бумажном пакете круг неплохой колбасы, пару больших брецелей, ещё что-то, а также извлёк

из глубоких карманов плаща четыре бутылки пива. Всё это он раскладывал и ставил на дорогую скатерть дорогого стола.

– О, пиво! – обрадовался брат Вадим, сразу беря одну из бутылок и тут же откупоривая её.

– Оно, – соглашался брат Валерий, скидывая плащ и садясь к товарищу за стол, – я этих рейнских, бордо и всяких прочих медоков больше видеть не могу.

– Воистину, брат, воистину, – соглашался с ним брат Вадим, отламывая себе ещё и колбасы. И тут же добавлял с некоторой мечтательностью в голосе: – А надо было ещё, конечно, хоть немного водочки захватить. После такой длинной дороги было бы можно понемногу возлить.

– Думал, – отвечал ему брат Валерий. Глаза у него умные, проницательные и холодные; увидишь такого, так нипочём и не подумаешь, что человек этот – настоящий схимонах. – Признаться, посещали меня подобные мысли, но решил я, что от лукавого они. И воздержался.

– От лукавого? – уточнил брат Вадим.

– Подумалось мне, что наш великосхимный будет опять нам высказывать за пьянство, – чуть поморщившись, пояснил брат Валерий, – и что-то мне сразу расхотелось. Думаю, обойдёмся без водки, тем более что настоящей тут не найти, а местный шнапс нашей не чета.

– Не чета, не чета, – соглашался брат Вадим, со знанием дела расправляясь и с колбасой, и с пивом, – ну а телеграмму братьям ты послал?

– Послал, – заверил его товарищ. – Просил завтра ответ дать до шести утра. Уж как получим, так будем думать, когда и где встречу готовить.

– Я газетёнку местную купил, – брат Вадим достал из кармана пиджака газету, – признаться, цены на жильё здесь кусачие.

– Эка удивил, братец, – отвечал ему брат Валерий тоном человека, знающего, о чем идёт речь. – Город Гамбург со времён Ганзы славился своими портами и торговлей, отчего же тут быть дешёвизне?

Сам он при этом проворно распечатал уже вторую бутылку пива. И откупорив, снова заговорил:

– Завтра, если останется время, начните подбирать жильё. Основное и запасное сразу.

– Сначала я «даймлер» к механику отгоню, – отвечал ему брат Вадим. – А потом и квартирой займусь.

А тут из ванной вышел сам брат Ярослав; был он в одной простыне, чист и свеж. Сразу оценив ситуацию, он почти с возмущением спросил:

– Это вы что, подлецы, ни одной бутылочки пива мне не оставили?

– А ты нам вырезки с розмарином случайно не принёс? – тут же парировал брат Вадим. – Хоть по маленькому куску?

– А тебе пиво не по чину. Ты вон, Ваше Сиятельство, свой медок глыкай, – разумно заметил «князю» брат Валерий.

– Э-эх, – брат Ярослав подошёл к нему и не без усилия вырвал у него бутылку, в которой ещё было пиво, – мелкие вы людишки, скаредный духом народец. Всё считаетесь! Всё подсчитываете! Глядите жадно, кто что съел. Вот потому-то вы и не князья. Из-за мелочности вашей, – удовлетворённый своим назиданием, брат Ярослав отпил из бутылки и спросил: – Телеграмму братьям хоть послали?

– Да уж не волнуйся, послали, пока ты там ростбифы трескал, – заметил брат Вадим.

– Послали, я просил брата Тимофея дать ответ до шести утра.

– Вот и славно, чем раньше начнём день, тем больше успеем, – сказал брат Ярослав и пошёл к себе в спальню, напомним своим товарищам: – Вы тоже не засиживайтесь тут.

– Слыхал, что великосхимный сказал? – спросил брат Валерий, забирая у брата Вадима бутылку с остатками пива. – Ложись спать, я сейчас помоюсь и тоже лягу.

Глава 2

Герцогиня Джорджиана Девоншир приказала дворецкому пригласить прибывших дам, и когда те появились в её кабинете, проявила к ним максимальное радушие. Она встала из-за стола и вышла им навстречу, да ещё и протянула руки так, как будто давно была с ними знакома.

Две дамы тут же присели в книксенах, и те книксены были глубокими, а дамы даже склонили головы в знак почтения. Ведь герцогиня и положением в свете, и мастерством «видения» превосходила их обеих.

– Встаньте, встаньте. Эти церемонии здесь ни к чему, – потребовала Холодная Леди, всем своим видом и тоном показывая, что никакая она не «холодная». – Дорогие мои сёстры, вы даже представить себе не можете, как я вам рада, – произнесла она, приближаясь к прибывшим дамам. – Прошу вас, вот..., – она указала им на диван, сама же села в кресло напротив. – Дорогие сёстры, садитесь вот сюда, тут вам будет удобно.

Дамы послушно уселись, куда им было указано, и одна из них, старшая, представилась:

– Доротея де Флиан.

На вид ей было около сорока, её можно было бы назвать приятной, если бы не пронизывающий взгляд её холодных серых глаз. Впрочем, даже этот её взгляд вполне гармонировал с её лёгким розовым платьем и белой, в розах, шляпкой; даже после перелёта, аэропортов и дымных экипажей Доротея де Флиан была свежа и опрятна.

– Де Флиан, де Флиан..., – вспоминала герцогиня; она прекрасно знала все старые фамилии Альбиона, – кажется... кажется, ваша девичья фамилия Вэйн?

– Именно так, – едва заметно улыбнулась мадам де Флиан, – Сесил Вэйн, барон Бернард, – мой двоюродный дедушка.

– Я очень рада знакомству, леди де Флиан, – улыбнулась ей в ответ герцогиня. – Тем более что я знакома с вашим дедом и прошу вас при случае передать ему привет от меня.

– Непременно передам, – отвечала подчинённая своей новой начальнице. – Правда, он скорее всего этого не оценит.

– Не оценит?

– Он уже несколько лет как пребывает в состоянии старческой деменции; он не узнаёт даже близких.

– Ах вот как? Ясно.

Леди Джорджиана кивнула и тут же обернулась ко второй, к молодой женщине, что сидела напротив неё. – Получается, что вы, моя дорогая, – Камелия Анна Уилсен Фоули.

– Можно просто Анна Фоули, – улыбнулась молодая женщина. Многим она показалась бы привлекательной, а некоторые сочли бы её и красивой, и к её этой привлекательности нужно было добавить и тонкое чувство вкуса. Казалось бы, простое строгое серое платье с чёрными перчатками и небольшой чёрной шляпкой с вуалью – но весь этот незатейливый ансамбль был очень изыскан, несмотря на неяркие цвета.

– Как поживают лорд и леди Фоули?

– Прекрасно, как раз гостила у них, прежде чем отправиться сюда, – отвечала леди Фоули.

– Итак, леди Доротея и леди Анна, – герцогиня сделала паузу, разливая чай, она дождалась, пока дамы возьмут чашки, – рассказывайте, как добрались.

– Ах, эти дирижабли, – сразу ответила леди Доротея. – Над проливом мы попали в сильный ветер. Признаться, было страшно. Это было ещё хуже, чем шторм, что я пережила возле Сицилии.

– Но капитан вселял в нас уверенность, – продолжила за товарку леди Анна, – он назвал это происшествие всего-навсего «незначительной болтанкой».

– «Незначительная болтанка?», – герцогиня улыбалась. – Какая прелесть. Эти капитаны всегда найдут какие-то смешные слова, чтобы скрасить большие неудобства.

– Причём многим дамам, да и господам тоже, было нехорошо от этой «незначительной болтанки», – продолжала старшая из вновь прибывших подчинённых леди Джорджианы.

– Прошу вас, сёстры, вот мармелад, попробуйте; он, к сожалению, куплен здесь, но всё, что я привезла из Лондона, уже закончилось, – леди Кавендиш, кажется, была счастлива играть роль радушной хозяйки, тем более если эту роль приходилось исполнять перед дамами своего круга. Последнее время ей доводилось общаться только с мужчинами – дам её уровня в Гамбурге просто не было; местные немки, жёны здешних нуворишей и купцов, не говоря уже про всякий чиновничий люд, не обладали должными манерами. Конечно, общество мужчин было ей приятно, но и простой женской болтовни за чаем герцогине очень не хватало. – Прошу вас, угощайтесь, – предлагала она мармелад своим новым подчинённым.

– Абрикосовый? – уточнила леди Анна, набирая себе немного жёлтой ароматной субстанции.

– Да. Вы угадали, дорогая моя.

Дамы попробовали мармелад, и леди Доротея вынесла свой вердикт:

– Слишком много сахара.

– Абсолютно верно, – поддержала её герцогиня.

– Неужели абрикосы растут здесь, в германских княжествах? – удивлялась леди Анна.

– Не уверена, – отвечала ей леди Джорджиана, – возможно, где-нибудь в Швабии или Баварии, но этот мармелад сделан, кажется, в Ломбардии, а может, и на Сардинии, я уже точно и не помню.

– Я так и подумала, – назидательно произнесла леди де Флиан, – эти итальянцы ни в чём не знают меры. Казалось бы, живут на райской земле, так могли бы за тысячи лет уже научиться находить черту, что отделяет хорошее от избыточного, но итальянцы практически необучаемы и при всех своих удивительных богатствах всё равно будут делать ветчины пересолёнными, сыры пересушенными, а в конфитюрах, джемах и мармеладах у них всегда будет слишком много сахара.

– О, дорогая моя, вы слишком к ним требовательны, – улыбнулась герцогиня, сделав глоток чая, – второстепенные нации и не должны чувствовать эту грань. Вкус, как и чувство меры, доступны лишь нациям великим, тем нациям, что должны управлять всеми остальными.

– Вынуждена с вами согласиться, – произнесла леди Доротея, – должное управление – вот чего действительно не хватает этим лентяям, ведь австрийцы совсем не приучили их к труду.

– Австрийцы – мягкотелые сибариты, – заметила герцогиня, – в них не осталось и капли истинной габсбургской крови.

– Да, – леди Анна даже чуть наклонилась вперед и продолжила полушёпотом: – Я читала, уже не вспомню, где, что после Марии-Терезии кровь Габсбургов слишком разбавлена славянской жижей. Говорят, что венгры и славяне слишком вольны стали при её дворе. Поэтому и спас Австро-Венгрию русский царь во время венгерской войны, иначе этой империи уже бы и не было.

– Несомненно, вы правы, – согласилась герцогиня и взглянула на леди Доротею. – А вы, видимо, знакомы с итальянцами не понаслышке?

– Уж не понаслышке, – почти с гордостью сообщила та, – я находилась при нашей средиземноморской эскадре три года на Сардинии, потом ещё полгода на Сицилии и ещё год провела в Неаполе. Всё это не считая Греции и Алжира.

– О, у вас неплохой послужной список, – похвалила подчинённую леди Кавендиш. – Ну а вы, леди Анна? Я просила прислать мне опытных дам, а вы же юны; видимо, вас высоко ценят, раз отправили на столь ответственное задание.

– У меня тоже есть некоторый опыт, – не без гордости заявила молодая и красивая дама.

– И? – герцогиня смотрела на неё с интересом.

– Два года в Бомбее и полтора года в Калькутте. Я работала с леди Горн и леди Вильсон.

– Это хорошая школа, – без особого уважения произнесла леди Джорджиана.

Теперь её тон изменился. Вежливость и гостеприимство сразу отошли на второй план; сейчас перед прибывшими сидела опытейшая из сестёр-менталов, дама, которой корона доверяла самые ответственные задания. Герцогиня отставила пустую чашку и продолжила:

– Вы работали против французов, австрийцев и индийских дикарей, здесь же вам придётся работать против русских фанатиков, оголтелых и необыкновенно упорных представителей варварского народа – против Опричного ордена русских. То есть вам предстоит попробовать себя в настоящей работе.

Леди Доротея взглянула на леди Анну и ответила за обеих:

– Мы для этого и прилетели.

Бросив на неё быстрый взгляд, леди Кавендиш снова заговорила:

– Я просила Мари прислать мне самых толковых дам, что есть в её распоряжении в данный момент. Я не сомневаюсь в компетенции Мари; если она прислала мне вас, значит, вы лучшие из тех сестёр, что у неё были.

– Мы приложим все усилия, герцогиня, чтобы оправдать ваше высокое доверие и доверие баронессы Харолстон, – заверила её леди Доротея.

– Я очень на это рассчитываю, сёстры, – леди Кавендиш сделала паузу. – С нами будет работать ещё одна наша сестра.

Прибывшие сестры переглянулись; конечно же, они знали, о ком идёт речь. И леди Анна, чуть наморщив носик, произнесла:

– Мы слышали, что она американка.

– Да, она американка. Её манеры оставляют желать лучшего, она из каких-то там американских торговцев, но это не умаляет её ментальных способностей. Леди Рэндольф Черчилль, или просто леди Дженнет, заносчива, но талантлива. И не смотрите, что официально она всего-навсего ментал третьего уровня. Скорее всего, эта оценка неверна. И наша сестра ещё себя покажет, я в этом уверена.

– Ах вот как, – поняла леди Анна.

– Да. И посему прошу вас быть с нею по деликатнее. Считайте, что она не только талантливый ментал, но и женщина нашего круга... хотя и чуть-чуть... своеобразная.

Не то чтобы леди Кавендиш была расположена к леди Рэндольф, нет-нет, герцогиня не переваривала выскочек, и при случае она устроила бы этой американке неприятности, но сейчас была не та ситуация: она отвечала за сохранность корабля, и посему ей нужна была полная консолидация сил. А значит, никаких распрей, никаких женских мин и поджатых губ. Никакой уничтожающе-холодной вежливости. Только общее дело.

– Всё понятно, – произнесла более опытная леди де Флиан. – Мы все сёстры и заняты общим важным делом.

– Именно так, дорогие мои, – подтвердила начальница. – Мы все сёстры и заняты общим делом.

Дамы кивали герцогине, они всё прекрасно понимали; и теперь начальница решила распределить обязанности.

– Леди Доротея, насколько я поняла, вы уже имели дело с этими увальнями из флота.

– Да, миледи. Я умею ладить с флотскими офицерами, – отвечала госпожа де Флиан.

– Прекрасно; тогда непосредственную охрану линкора я поручаю вам. Встряхните этих лежебок, периметр по суше и по воде так же будет зоной вашей ответственности. Не давайте им дремать; контроль, контроль и контроль – вот что нам сейчас необходимо. Коммодор Винтерс – мой хороший друг, но имейте в виду, что он недотёпа, хотя и хорош собой, так что будьте с ним построже. Без всякого снисхождения.

Герцогиня специально отправила к морякам именно леди де Флиан; эта сестра даже на вид была холодной и жёсткой – как раз то, что нужно для флотских. И был ещё один, не столь

очевидный нюанс... Уж кого-кого, но точно не леди Фоули, с её приятным лицом и соблазнительным станом, герцогиня хотела бы видеть возле красавчика commodora.

– А вы, леди Анна, – продолжала начальница, – останетесь при мне, мы с вами займёмся поиском русских фанатиков.

– Надеюсь, власти на нашей стороне? – уточнила леди Анна.

– О нет, не надейтесь на их большую поддержку; с тех пор как этот Бисмарк носится по всем германским княжествам с этой своей идеей объединения, немцы относятся к нашей короне... всё более прагматично, – отвечала ей герцогиня. – Нам всё сложнее отстаивать здесь свои интересы. И всё дороже.

– Значит, в основном мы будем полагаться на свои силы?

– Да, больше на свои.

Глава 3

Она встала, как всегда, рано, ещё до семи утра, уже успела сбегать на телеграф, который был за девять кварталов от её дома. Дала телеграмму Генриху Ройке и получила телеграмму в ответ, где он сообщал, что сегодня учится в своём училище до часу дня, а на работу к отцу ему лишь к восьми часам вечера; всё остальное время он готов уделить ей. Это устраивало девушку, она хотела встретиться с ним и обдумать операцию. Всё-таки ей очень хотелось завербовать слугу из дома Холодной ведьмы. Она даже не могла до конца представить, какие возможности по получению данных это сулило. И это при том, что Зоя и понятия не имела, какую должность Джеймс занимает. Если бы она знала, что именно этот старик – доверенный человек герцогини, который имеет доступ к её телеграфу, она бы утроила свои усилия. Но и возможность завербовать человека в штабе англичан, пусть он будет даже простым чистильщиком обуви, снискала бы ей признание и уважение от коллег. Так что дева готова была попытаться. Пустхо пусть её считают списанной фигурой, пусть старцы из Пустоши не отвечают на её сообщения, да пусть вся британская империя будет против неё – Зоя не собралась отступать. До телеграфа и обратно она шла очень быстро, а это майское утро было на удивление тёплым, и по приходу домой Зое захотелось освежиться; она налила в таз воды, разделась и, расплёскивая прохладную воду, стала с удовольствием мыться. В душевной комнатке под самой крышей, после интенсивной прогулки, почти пробежки, прохладная вода и дорогое мыло с земляничным запахом были удовольствием. Но девушка даже во время водных процедур не теряла бдительности и сразу услышала за дверью тяжелые шаги. Она уже знала всех, кто жил рядом с нею под крышей. То была семья: из рабочего, его жены и трёх их детей. Дева хорошо знала шаги рабочего. Теперь же на лестничную площадку поднялся кто-то грузный, такой тяжёлый, что под ним скрипели половицы.

Она перестала намыливать грудь и подмышки и замерла с куском мыла в руках. Стала прислушиваться и была уверена, что кто-то идёт именно к её двери. Причём идёт не спеша, словно крадёт. Мыло в сторону, дева беззвучно оказывается у своего ридикюля, и уже через секунду в её руке тихо щёлкают взведённые курки её маленького пистолета.

«Чёрт! Дверь надо было подпереть!».

Она всё так же беззвучно оказывается у двери и, одной рукой сжимая пистолет, второй подносит к двери стул, под углом вставляет его спинку под ручку двери. Прижимает его, стараясь всё это делать как можно тише. И тут шаги стихли, стихли в шаге от её комнаты. Тот, кто пришёл, остановился за дверью и теперь, замерев, прислушивался. Зою и пришедшего разделяла только не очень-то крепкая фанера. Да ещё стул, ну и пистолет, разумеется. Как шаги стихли, девушка поднесла своё оружие к двери вплотную; она примерялась, куда лучше стрелять. Исходила из своего роста; сначала приставила ствол к двери на высоте груди, думая поразить пришедшего в область сердца, а потом подняла его до уровня головы. Может, лучше начать с выстрела в лицо?

И тут в дверь постучали. И если этот человек подходил к двери тихо, почти крадучись, то стучал он уже уверенно. Дева выдержала паузу, дождалась, пока постучат ещё, и когда стук раздался повторно, уже спросила громко и уверенно:

– Кто там?

– Фройляйн Гертруда! Откройте, это домоуправляющий!

– Герр Кольберг? – она сразу узнала этот сильный голос грузного человека. – А что вам нужно?

– Откройте, мне нужно с вами поговорить!

– О чем же? – Зоя не собиралась ему открывать, ну хотя бы на том основании, что на ней не было надето ни одного предмета одежды.

– Вы хотите разговаривать через дверь? – кажется, домоуправляющий начинал понемногу раздражаться.

– Я просто хочу понять, о чём вы хотите поговорить; если разговор срочный, то сообщите мне предмет, а если не срочный, то я прошу вас перенести время разговора, так как сейчас я не готова разговаривать с вами.

– Я хотел поговорить..., – начал было Кольберг, но замолчал, видимо, не находя нужной темы для беседы. И тут же, придумав её, продолжил: – Об оплате.

– Об оплате? – удивлялась Зоя. – И что же нам о ней говорить, если у меня всё оплачено до конца мая – и ещё оплачен весь июнь?

Господин Кольберг засопел за дверью так, что девушка его услышала, и потом произнёс:

– Я хотел поговорить об оплате... электричества.

– Зачем же нам об этом говорить сейчас; об этом можно поговорить и позже; тем более – что говорить об электричестве, если его, и воду тоже, надо оплачивать по счётчикам на конец месяца, вы же сами мне об этом говорили.

– Фройляйн Гертруда! – домоуправляющий уже злился. – Прошу вас отпереть мне дверь!

– Нет, я не открою дверь! Я не готова к приёму гостей, – твёрдо ответила девушка.

– Тогда я открою её своим ключом!

– Зачем?! – дева тоже начинала злиться, но ещё пыталась удержать себя в руках.

– Мне кажется, вы там не одна.

– Я здесь одна!

– Тогда откройте! Я требую! Я хочу убедиться, что, кроме вас, в комнате никого нет.

– Я не готова к приёму гостей, – девушка уже смирилась с тем, что дверь придётся открыть. – Дайте мне пару минут. Мне нужно привести себя в порядок.

– Никаких минут я вам не дам, – твёрдо и даже зло заявил домоуправляющий. А Зое показалось, что он даже обрадовался тому, что она не готова его принять. Это словно подстегнуло его. – Либо вы открываете мне дверь, либо я открою её своим ключом!

– Дайте мне минуту! – она уже разгорячилась и была по-настоящему зла, а может быть, даже и напугана; сейчас она мечтала только о возможности надеть хотя бы платье.

– Вам меня не одурачить! Вы пытаетесь кого-то скрыть! Того, кого в вашей квартире быть не должно, – холодно и зло произнёс Кольберг. – Я открываю дверь!

И девушка услышала, как в замочную скважину проникает ключ. И ей стало страшно; она поняла, что не успеет даже накинуть платье, и тогда навалилась на стул, который подпирал ручку.

– Герр Кольберг! Одну минуту, я прошу вас. Нельзя врываться к девушке в комнату! Одну минуту, и я вам открою!

Но было уже поздно, замок щёлкнул, ручка двери опустилась, а дева навалилась на дверь и на стул коленом, чтобы не дать домоуправляющему войти внутрь.

А тот, поняв, что дверь не поддавалась, навалился на неё с другой стороны. И навалился как следует. Как бы ни была Зоя хорошо подготовлена, как бы ни была тренирована, но её пятиде-

сят пять килограммов не могли противостоять почти стокилограммовой туше домоуправляющего, и ему удалось немного отодвинуть стул и упиравшуюся изо всех сил девушку. Совсем немного, протиснуться в образовавшуюся щель он, конечно, не мог. А девушка тут ещё и испугалась. Нет, не столько за себя, сколько за своё дело. Дева уже понимала, что ей придётся стрелять. Если, конечно, не удастся удержать дверь. А стрелять было... ну никак нельзя. Никак! Тогда ей пришлось бы срочно менять квартиру, собирать вещи, искать новое жильё и снова платить за него. А ведь средства её были вовсе не безграничны.

– Герр Кольберг! Прошу вас, остановитесь! – закричала девушка, пытаясь не довести дело до такого исхода, и изо всех сил упёрлась в дверь руками.

Но Пауль Кольберг, разгорячённый и даже возмущённый такой неуступчивостью девушки, поняв, что дверь не распахнулась настолько, чтобы он мог пройти, сделал шаг назад, а затем плечом, всей своей тушей в центнер веса ударил в дверь.

Даже стул чуть хрустнул от такого воздействия, и дверь приоткрылась ещё немного. Ровно настолько, что домоуправляющему удалось просунуть в щель руку. Зоя, увидав его волосатую лапищу, пальцы-сосиски с аккуратными ногтями, уже подумала, что сейчас ей придётся выстрелить ему в руку. Ведь по-другому этого бугая было не остановить. Но она всё ещё надеялась, что как-то можно будет избежать стрельбы. Ах, как жаль, что её верный кинжальчик остался в платье! Она стала озираться, всё ещё упираясь в дверь и увидала на плите чугунный утюжок. Она им никогда не пользовалась, так как не разжигала печь, и тут вдруг случилось утюжку пригодиться. Девушка в один прыжок оказалась у печи, и ещё мгновение ей потребовалось, чтобы схватить утюг; и прежде, чем стул совсем сдал свои позиции и дверь распахнулась, дева оказалась там и с размаха врезала тяжёлым утюгом по пролезшим в отверстие пальцам.

И рука тут же исчезла и убралась в щель. И сначала ничего не происходило – наверное, целую секунду. А потом...

О, что это был за крик. Уж и представить Зоя не могла, что столь большой мужчина может так кричать. Крик этот начался с гортанного рыка и скатился в почти женский визг.

– А-а-а-а-а-ах...!

Хоть Зоя не была пугливой девушкой, но тут даже ей от такого рёва стало нехорошо, и она поспешила захлопнуть дверь, повернуть ключ в замке и снова подпереть дверь стулом. Потом прислушалась, прижавшись к двери, и услышала топот удаляющихся башмаков. Вот они уже и по лестнице стучат. Потом всё затихло, и Зоя, быстро накинув на себя платье, подбежала к окну. Ей не очень хорошо было из него видно улицу, но Зоя всё-таки смогла увидеть, как герр Кольберг на удивление быстро бежит по другой стороне улицы, сжимая правой рукой кисть левой. Когда он скрылся из вида, дева снова сняла платье и продолжила водные процедуры, хотя теперь и без всякого удовольствия. Она уже знала, что это сегодняшнее общение с домоуправляющим рушит все её планы. Ну, может быть, и не рушит, но уж точно отодвигает. Зоя поняла, что ей придётся искать себе новое жильё. И причём в самое ближайшее время. Ведь ей ни в коем случае нельзя было контактировать с полицией. Паспорт, конечно, у неё отличный, но кто знает, как всё может обернуться.

Девушка стала действовать со всей возможной поспешностью. Она оглядела комнату: вещей у неё теперь было заметно больше, чем тогда, когда он снимала эту квартиру. Теперь все её вещи в один саквояж не уместились бы.

«Мерзавец! – Зоя была в ярости. – Ну надо же, так всё было хорошо. Теперь искать новую квартиру. Ненужные хлопоты и потеря времени!».

Она очень сожалела, что ударила его только раз и только по руке. Девушка быстро стала одеваться и собирать вещи. Ей было немного грустно, ведь эта меблированная комнатка была очень удобна. Выход на крышу в её положении являлся скорее необходимостью, чем просто удобством.

И когда вещи уже были собраны, упакованы в саквояж и связаны верёвкой для удобства, она услышала шаги на лестнице. На этот раз это был не домоуправляющий. Человек был явно мужского пола; он подошёл к двери и несколько секунд ждал, а потом всё-таки постучал – мягко, даже, может быть, вкрадчиво.

– Да! Кто там? – спросила Зоя. Теперь она была готова встретить кого угодно. Пистолет был под юбкой на бедре, кинжальчик в рукаве платья, а сильные пальцы девушки, спрятанные в перчатки, крепко сжимали летний зонт, в который был упрятан очень опасный отравленный стилет с жалом в двадцать сантиметров.

– Фройляйн Гертруда! – голос принадлежал явно не домоуправляющему. Это был сам домовладелец Цомерман. – Прошу вас открыть дверь, – и тут он удивил девушку, добавив: – Если, конечно, вам сейчас удобно.

Дева безропотно подошла к двери, отодвинула стул, повернула ключ в замке, и открыла дверь.

– Доброе утро, герр Цомерман, – вежливо произнесла она, но вежливость та была весьма холодна. – Что вам угодно?

– Я только что узнал об этом... О произошедшем инциденте, – он заглянул в квартирку и, удивившись от увиденного, спросил: – Вы, кажется, собрали вещи? Вы, что, собираетесь съехать?

– Боюсь, что моё пребывание здесь для меня небезопасно, – всё так же холодно отвечала дева.

– Пауль утверждает, что у вас кто-то был.

– У меня никого не было, я просто была не одета; и даже если кто-то и был – это, что, даёт ему право вламываться ко мне?

– Конечно нет! – твёрдо заверил её домовладелец. – Это недопустимо – врываться в комнату молодой женщины. Я обязательно сделаю ему внушение. Мало того, в знак нашего примирения я освобождаю вас от следующего платежа, вы не будете платить за июнь, а уже произведённая оплата перенесется на месяц июль, – предложил господин Цомерман. Он, правда, не уточнил, что эту свою щедрость он собирался компенсировать из жалования домоуправляющего. – Надеюсь, вы забудете про это сегодняшнее недоразумение.

В общем, ей нравился этот район, нравился дом и вся улица Остенде и то, что она тянулась вдоль тихого кладбища, и выход из окна на крышу был очень кстати, да и сам господин Цомерман, кажется, был неплохим человеком, и поэтому Зоя, чуть подумав, больше для вида, произнесла:

– Хорошо, герр Цомерман, я останусь, но только из уважения к вам и под ваши гарантии.

– Я очень рад, фройляйн Гертруда, что мы смогли договориться; я уверяю, Пауль больше вас не побеспокоит, теперь все дела с вами я буду вести лично, а ему запрещаю даже приближаться к вам.

Что ж, это девушку устраивало. И она сделала книксен, а он ей поклонился, приподнял шляпу и ушёл.

Это избавило её от такого нежеланного переезда. И Зоя стала собираться на встречу со своим помощником.

Глава 4

Пока Зоя собирала вещи и думала, где, в каком районе ей лучше искать новую квартиру, Пауль Кольберг побежал к своему работодателю и, тыча ему под нос распухшие пальцы, просил у того разрешения вызвать полицию, чтобы стражи закона явились и поставили на место мерзкую дрянь, но, на удивление, понимания у работодателя не нашёл, так как не смог ответить на один простой вопрос, а именно: какого дьявола этот бугай ломился с утра пораньше к молодой женщине в квартиру? А так как ответ Кольберга, что ему показалось – показалось! – что в квартире этой самой фройляйн Шнитке кто-то есть, кого там быть не должно, герр Цомер-

ман не счёл убедительным, то посоветовал Паулю отправиться не в полицию, а к врачу. Сам же пошёл поговорить с девушкой. А домоуправляющий, как ему и рекомендовали, побежал к врачу, который взял с него пять шиллингов за наложение гипса. Пять шиллингов! Мало того, что подлая девка его оскорбила своим грубым сопротивлением, мало того, что причинила физические страдания, так ещё из-за неё он выслушал выговор от начальства и потерял деньги. В довершение ему придётся ходить с лангеткой на руке целый месяц. В общем, такого герр Кольберг вынести не мог и сразу после врача отправился в полицейский участок на Тондорфер-штрассе, где его встретил флегматичный полицейский чин, которому он сообщил, что в доме домовладельца Цомермана проживает неблагонадёжная девица Гертруда Шнитке. Он имел в виду её нравственную неблагонадёжность. Да и как она могла быть благонадёжной: незамужняя, живёт одна и имеет деньги, чтобы снимать квартиру. Домоуправляющий пытался намекнуть полицейскому, что сия особа оказывает услуги господам, причём не имея на то муниципального разрешения. То есть делает это незаконно.

Полицейский же не выразил никакого понимания и не заинтересовался столь подозрительной девицей; он по-прежнему был флегматичен, но, как и положено немецкому полицейскому, всё тщательно записал в протокол, так как порядок превыше всего. А домоправитель, разочарованный таким удивительным равнодушием, пошёл, прижимая гипс к груди, из полицейского участка прочь. За этот день он был уже четырежды оскорблён в своих чувствах. Выходкой девицы, непониманием руководства, жадностью врача и равнодушием полиции. Это было выше его сил. И, кажется, герр Кольберг смирился со своими поражениями. Посему он решил пойти в пивную и выпить кружечку пива. Что может успокоить настоящего немца лучше кружки пива? Ну, разве что две кружки.

***

Брат Ярослав уже давно был готов. Одет, обут, причёсан и надушен, даже золотую цепь с флаконом духов на конце уже накрутил на кисть левой руки и теперь ждал, пока вернутся его братья и принесут ему завтрак. Он и сам мог спокойно пойти и поесть, но выбранная им роль русского князя не подразумевала ранние подъёмы и завтраки в забегаловках на заре. Посему он терпеливо ждал, усевшись в кресло у окна, и смотрел, как оживает после ночи фешенебельная улица.

Брат Вадим и брат Валерий появились лишь после того, как стрелки богатых часов «князя» миновали цифру семь. Они принесли большой бидон с кофе, хороший кусок отличной ветчины, пару бутылок лимонада и другой снеди.

– Ну, великосхимный брат, какие на сегодня планы? – раскладывая ветчину по тарелкам и нарезая булки, поинтересовался брат Вадим.

– Первое..., – брат Ярослав пару секунд думал, – первое: снять оперативную и запасную квартиру.

– Я этим займусь, – произнёс брат Валерий, подтягивая к себе тарелку с ветчиной и беря баночку со сладкой горчицей.

– Хорошо, – сразу согласился великосхимный. Зная скрупулёзность и ответственность своего товарища, он не сомневался, что надобные помещения будут найдены быстро, они будут относительно дешёвы, удобны и, главное, безопасны. – Второе. Нам надо установить контакт с группой брата Тимофея. Он ответил на телеграмму?

– Ответил, – отозвался брат Валерий. – И ответ был правильным.

– Хорошо; и желательно установить контакт побыстрее – как вы поняли, времени у нас в обрез. Но в то же время нужно быть острожными. Мало ли что..., – великосхимный намекал на то, что группа Тимофея может быть разгромлена и теперь кто-то из её состава работает под контролем Интеллидженс сервис.

– Я установлю контакт, – отвечал ему брат Вадим, сразу уловив подтекст сказанного и наливая «князю» кофе. Потом стал наливать его и брату Валерию, добавляя: – Я Елецкого лично знаю, так что всё будет нормально.

– Ты с ним знаком? – спросил у него брат Валерий.

– Пересекался с ним один раз в Греции.

– Дело с угольным складом?

– Угу. Он мне тогда понравился. Упёртый. Толковый мужик, – отвечал брат Вадим.

– Отлично... Только прошу, будь внимателен, – на всякий случай наставлял своего товарища брат Ярослав, хотя прекрасно знал, что Вадим Валерьевич Варганов – один из самых опытных оперативников Опричного ордена.

– Буду-буду, – обещал ему Варганов, наливая кофе теперь себе.

– Ну, а я тогда, – великосхимный снова задумался на несколько секунд и, беря чашку с кофе, продолжил: – займусь поиском господ британских офицеров. Где-то же они должны отмокать после строгостей корабельной службы.

– А что ты будешь с ними делать? – спросил у него брат Валерий.

– Познакомлюсь... Поищу, пощупаю, может, кого-то из них удастся погнуть малость, – задумчиво произнёс брат Ярослав, отпивая кофе.

– Думаешь, найдёшь слабого? – не очень-то верил в такое брат Валерий.

– Говорю же – поищу, пощупаю. Там видно будет.

– Вряд ли найдёшь кого нужного, – почти уверенно заявил брат Валерий. При этом он улыбался. – Это же всё-таки британский флот. Там служит элита! Там правят традиции!

– Традиции! – брат Вадим поперхнулся и едва не выплюнул кофе на скатерть. Он вытер салфеткой губы и продолжил: – Какие ещё, на хрен, традиции! Традиции у этих людоедов! Все их флотские традиции – это плеть, ром и содомия. Людоеды держат свою чернь в лютом страхе, поощряют выпивкой и допускают принудительную содомию старших над младшими... Вот три кита, на которых и стоит их знаменитый флот.

– Ну, ладно, ладно..., – усмехался брат Валерий, – что ты так разошёлся? Кушай спокойно.

– Да уж попробуй теперь, успокойся! – бурчал брат Вадим. – А ты знаешь, откуда пошли традиции и неписанные правила британского флота?

– Да знаю, знаю, – смеялся Валерий Владимирович Павлов, а сам накладывал себе следующий кусок ветчины, – но ведь это тебя не остановит, и ты всё равно мне про то расскажешь.

– Ты послушай, послушай умных людей!

– О, умных! – брат Валерий покивал головой. – Ну, раз умных, то давай, послушаю.

– Вот я книгу одну читал...

– Про пиратов?

– Про пиратов, про пиратов...

– Ну и что там про пиратов написано? – Валерий Павлов продолжал улыбаться.

– Что самые опасные пираты в мире, самые жадные и самые организованные, были пираты Карибского моря; все они имели патенты от английской короны, и вот с тех самых времён и начались те самые традиции британского флота, и проистекают они, эти традиции, как раз из британской патологической жадности до чужого добра, а ещё из нечеловеческой британской жестокости, причём как к морякам, которых захватывали пираты, так и к своим бывшим товарищам, – брат Вадим даже сжал кулак и всё больше распалялся от собственного рассказа.

– Это ты в книге «Лоцман» прочёл? – уточнил на всякий случай брат Валерий.

– В том числе! – признался Варганов.

– Конечно, нашёл объективный взгляд, – скептически заметил Павлов. – Писатель книжонки этой был ещё тот любитель англичан.

– И поэтому он не мог быть объективен?

– Точно так же, как и ты!

– Ах вот значит как?!

Брат Ярослав слушать их не стал; это на его памяти была, наверное, уже сотая дискуссия между братьями, причём темы они выбирали самые неожиданные, зачастую чтобы просто поспорить.

– Уже пойду я, пройду по городу, узнаю, где местные англичане обитают. А вы тоже не расслаивайтесь, помните: времени у нас мало, нужно быстрее встретиться с группой брата Тимофея.

– Не волнуйся, великосхимный, я всё устрою, – обещал ему брат Вадим машинально и, видя, что брат Ярослав пошёл к двери, снова принялся рассуждать про пиратов, объективность в литературе и британские морские традиции.

***

Один из главных её наставников, Поликарп Евграфович Щеглов, проще говоря, отец Поликарп, говорил им на уроках системного анализа и оперативной работы:

– Девы мои, трезвый взгляд и рассудительность – вот залог ваших успехов. Только трезвая голова способна рождать здравую мысль! Учиться хладнокровию, хоть то и не удел дев, но без него в деле вашем будущем – никуда!

Трезвый взгляд даёт реалистичную оценку, а реалистичная оценка позволяет сделать правильный расчёт. И сейчас девушка, собираясь на встречу с Генрихом Ройке, вдруг осознала, что слишком много времени проводит у зеркала, слишком придирчиво осматривает своё лицо на предмет прыщиков или ещё чего-нибудь отталкивающего. Она почти носом касалась стекла и теперь, чуть отодвинувшись от зеркала, оглядела себя.

«Что это с тобой?».

При этом она уже сменила чулки, совсем ещё хорошие заменив на новые, только что из распечатанной коробочки. К чему это? Дева как будто проснулась и устала на себя в зеркало с некоторой укоризной: не слишком ли много чести для господина Ройке?

Впрочем, она тут же нашла ответ на этот вопрос: «Один из ключей управления людьми, – как говорила мать Авдотья на лекциях по организации подпольной работы, – исходит из вашего женского естества. Умейте правильно им пользоваться. Привлекательность – сила ваша».

Это было отличное оправдание её сегодняшнему поведению. Так что Зоя решила, что всё делает правильно: она должна быть не просто привлекательна, она должна быть неотразима, чтобы этот Ройке бегал за ней, как голодная собачка за кусочком жирной говядины. Она недавно поцеловала его. И это... обожгло её, но не более того, поцелуй был, конечно, возбуждающе приятен, и захотелось его повторить, но ничего такого, от чего можно было потерять сознание, с ней не произошло, а вот на него поцелуй подействовал так, как нужно. Генрих лишился речи на несколько секунд, а дева подумала, что может быть сегодня поцелует его опять. Поэтому... нужно перед выходом ещё раз почистить зубы.

Она взглянула на часы... Боже мой, времени уже оставалось немного, а до места не так уж и близко. Ей придётся идти быстро, а может, и бежать, но девушке совсем не хотелось прийти на встречу потной, как кухарка. Надо было поторопиться с туалетами. И она более не стала рассматривать себя в зеркале, а начала быстро одеваться.

Он уже ждал её... Увидав Зою, Генрих встал из-за столика. Был он в своём новом костюме... Высокий и стройный. Может, чуть-чуть худощавый. Зоя находила, что ей импонируют мужчины более... сильные. Но этот молодой человек был всё-таки неплох. Может быть, даже симпатичен.

Она протянула ему руку в перчатке, а он снял шляпу и поцеловал ее. Галантный.

– Прошу вас, фройляйн Гертруда, – Генрих отодвинул ей стул, и она присела. – Сейчас официант принесёт вам меню.

«Наверное, жалование от папаши получил, – про себя усмехнулась Зоя. – Собрался угощать».

– Благодарю вас, герр Ройке.

А когда к ней подошёл официант, от меню она отказалась, попросив себе сразу кофе со сливками и сахаром и кусочек яблочного пирога.

После того как официант ушёл, она спросила:

– Ну, герр Ройке, чем вы вчера занимались?

– Вчера? – он на секунду задумался. – Ну, после училища я вечером пошёл на работу, поставил на зарядку несколько электроэкипажей, замерил плотность электролита в аккумуляторах, всё записал в журнал.

– Как интересно! – произнесла Зоя со всей возможной искренностью. – Это, наверное, очень важная и ответственная работа.

Подбодренный такой речью, Генрих стал рассказывать дальше:

– Потом я взял один из экипажей и, чтобы проверить как аккумулятор держит заряд, поехал прокатиться. Вечер был приятен, и экипажей на улице было немного.

– Ах, как жаль, что меня не было с вами, – произнесла девушка, глядя, как официант ставит на стол перед нею кофейник, молочник и чашку.

– Если бы я знал, где вы живёте, я бы обязательно заехал за вами, – отвечал ей молодой человек.

– Ну, – Зоя подождала, пока официант нальёт ей кофе, потом налила себе сливок и стала насыпать сахар, – возможно, я вам как-нибудь скажу, где я живу.

– Я очень хотел бы знать это, – застенчиво и мило сказал Генрих и, поняв, что Зоя пока не собирается ему ничего говорить на сей счёт, продолжил: – А как стало темнеть, я заехал на улицу Юнгфернштиг. Прокатился по набережной и поглядел на дворец.

Глава 5

Зоя не стала хвалить молодого человека за это – он явно всё ещё не понимал, с кем имеет дело и как это опасно, – но и ругать не стала: не нужно отбивать у человека желание хоть как-то помочь, пусть даже эта помощь эфемерна. Дева просто сказала ему:

– Генрих... Во дворце живут очень опасные люди, и, что ещё хуже, у этих людей очень внимательные глаза; не нужно там часто бывать, вас начнут узнавать. И тогда...

Зоя не стала заканчивать фразу, но всё, что она сказала, девушка произнесла столь многозначительным тоном, что до молодого человека смысл сказанного дошёл как нельзя лучше и он даже начал оправдываться:

– Ну, я туда подъезжаю, как правило, когда уже темнеет, да и на разных колясках, стою у набережной, вряд ли кто-то обратит на меня внимание.

– Понимаете, – Зоя приготовила себе кофе, как она любила: на поверхности напитка плавали круглые капельки жира от сливок, напиток был в меру горяч и в меру сладок; она сделала глоток и была удовлетворена им, и потому продолжила, уже немного смягчившись: – Понимаете, Генрих, нельзя это делать просто так, по наитию или по вдруг возникшему желанию: ой, мне нечего делать, поеду-ка я на Юнгфернштиг, постою в темноте и понаблюдаю за дворцом с опасными людьми. Понимаете, во всём должен быть смысл. Наблюдение не должно вестись ради наблюдения, ни к чему хорошему такое наблюдение не приведёт, вас просто равно или поздно заметят. Заметят и избыют для начала, и это будет самый понятный для нас с вами результат необдуманных действий. Не дай Бог, если они захотят выяснить, зачем вы там околациваетесь.

Дева могла закончить это: «Вот потому-то я и не даю вам мой адрес», но не стала этого говорить, а сделала ещё один глоток из чашки; а когда снова поставила посуду на стол, удивилась, увидав, что молодой человек глядит на неё широко раскрытыми глазами.

– Что? Почему вы на меня так смотрите? – она даже немного испугалась, подумав, что он заметил что-то на её лице, но господин Ройке успокоил её:

– Я удивляюсь тому, как вы складно говорите; вы делаете это так, словно читаете мне вслух какую-то умную книгу, или как мой учитель в школе, который тоже мог умно говорить. Мне всё чаще кажется, что вы закончили какую-то частную дорогую школу, вы так образованны. В какой школе так хорошо обучают девушек?

Это был как раз один из тех вопросов, которых Зоя должна была избегать. Всё, что касалось её личности и её прошлого и что можно было перепроверить, необходимо было всегда держать в секрете, и Зоя произнесла:

– Речь идёт не о моей школе, Генрих, речь о вашей безопасности, – и чтобы усилить эффект и отвлечь его от выяснения, в какой школе она училась и почему такая умная, дева добавила: – Вы мне небезразличны, и я не хочу, чтобы с вами случилось что-то нехорошее, тем более без всякой на то необходимости.

Конечно, эти слова сразу выбили из головы молодого человека желание узнать что-то про школу девушки, он заёрзал на стуле, заулыбался и поправил галстук. И немудрено, не каждый день молодому человеку доводилось слышать от очень красивой девушки, что он ей небезразличен. И, окрылённый этой новостью, он тут же решил выдать одну мысль, которая пришла к нему ещё вчера вечером и которая до сих пор казалась ему интересной.

– Вы знаете, фройляйн Гертруда, вчера, когда я наблюдал за домом, я увидел, как к дому подошла продавщица сигарет, знаете, это такая девушка, что разносит сигареты на таком специальном лотке, там много столиков на улице, дамы и господа сидят до глубокой ночи, и вот такие девушки...

– Генрих, я знаю, кто такие разносчицы сигарет, – произнесла Зоя, отламывая вилкой кусочек пирога.

– Так вот, одна такая девушка поднялась по лестнице прямо к парадной двери этого дворца и позвонила в звонок. И ей открыли, и лакей, открывший дверь, купил у неё сигареты.

Дева перестала жевать, она внимательно смотрела на своего собеседника.

– Думаете, сигареты у неё купил Джеймс?

– Нет, нет, – Ройке покачал головой, – вы говорили, что этот Джеймс старик, а покупал сигареты ещё не старый мужчина.

– И в чём же тогда смысл этой истории с сигаретами? – Зоя снова принялась за пирог.

– Я просто подумал... Ну, вы же рассказывали, кажется, что он там... ваш Джеймс в том доме вроде как чистит обувь.

– Не помню, – отвечала девушка, – может, и говорила, и что с того? Объясните, Генрих.

– Вот я поглядел вчера на ту девушку с сигаретами и подумал...

– О чём вы подумали? – Зоя всё ещё не понимала, куда он клонит. – При чём тут девушка с сигаретами и Джеймс?

– Ну, – он не знал, как лучше начать. – Если девушка с сигаретами – и так спокойно подошла к дому, позвонила в дверь, то...

– Что «то»?

И тут Генрих начал:

– Недалеко от той мастерской, где я работаю, есть небольшая фабрика по производству ваксы и гуталинов, фабрика «Ноенга и Гукка», а также там делают всякие крема для разноцветной обуви. А ещё вазелинов... Ну и скипидар разливают, и ещё что-то... И вот каждое утро из этой фабрики в город выходят два десятка разносчиков ваксы и всего остального, у них такие же лотки, как и у продавщиц сигарет, они носят эти товары по городу, показывают людям, рекламируют и продают...

Тут до Зои стало доходить, куда клонит Генрих, и она, позабыв и про пирог, и про кофе, медленно произнесла:

– И вы думаете...

– Угу, – кивнул молодой человек, – думаю устроиться к этим Ноенгу и Гукку на фабрику таким разносчиком, и с таким вот лотком с ваксами прийти ко дворцу и позвонить в дверь. Раз ваш Джеймс чистит обувь, наверное, его позовут сделать закупки, и тогда я смогу с ним переговорить.

Ах, что это была за мысль! Зоя уже всю голову себе сломала, размышляя, как же ей добраться до старика, что помог ей выбраться из дома Холодной ведьмы. Она с этой мыслью ложилась спать и просыпалась, но ничего лучше, чем попытаться встретить Джеймса на улице, ей в голову не приходило. А попробуй его ещё встретить! Ведь слуги не часто покидают дворец. Нужно ждать, когда господа дадут им выходной. А как узнать, когда это случится? В общем, дева понятия не имела, как ей выйти на слугу Холодной ведьмы, а посему предложение господина Ройке показалось ей как минимум очень интересным, а честно говоря – единственно возможным вариантом успеха. Но когда девушку готовили в монастыре, её учили проверять вероятности и предвидеть неожиданности, и поэтому Зоя остудила Генриха логичным вопросом:

– Вам откроет дверь привратник и, увидав ваши ваксы, которые ему совсем не нужны, пошлёт вас к чёрту, и что вы будете делать?

– Пошлёт к чёрту? – Генрих почесал правый висок. Кажется, молодой человек не рассматривал такого поворота, но он тут же сообразил: – Я предложу ему шиллинг. Думаю, привратник не откажется от шиллинга и за деньги позовёт мне этого вашего старика Джеймса.

Зоя смотрела на него внимательно и почти строго – она просто не хотела, чтобы этот житель Гамбурга возомнил о себе невесть что; на самом деле девушка восхищалась умом этого молодого человека и готова была... ещё раз поцеловать его. Поцеловать в губы. Прямо здесь и прямо сейчас.

***

«Князь» не мог себе позволить таскаться по забегаловкам и пивнушкам, уж слишком бы он там бросался в глаза, так как вызывающе щегольской вид его никак не гармонировал с глиняными кружками, рабочими пиджаками и матросскими блузами; посему все тихие и неприличные заведения для встречи не подходили. Не подходили и дорогие рестораны, там все на виду, всех посетителей, тем более ярких, официанты всегда запоминают. Пришлось срочно искать меблированную квартиру из тех, что сдаются приезжим посуточно. И уже к вечеру брат Вадим организовал встречу «князя» с группой брата Тимофея. Хотя по большому счёту группа на совещание пришла не в полном составе. Чтобы не создавать излишней, привлекающей внимание толчеи, Тютина на встречу не взяли, хотя казак и хотел познакомиться с легендарным братом Ярославом. Встречу оформили как карточную игру, и на столе, застеленном зелёным сукном, лежала пара новых колод карт. Тут же были сигары, бутылки с вином и пивом. Всё это на всякий случай, если хозяева потом будут интересоваться, зачем тут собирались какие-то мужчины. За столом присутствовали: сам великосхимный брат Ярослав, он же «князь Бельский», с ним пришёл его помощник, брат Валерий, также тут были резидент в Гамбурге иеромонах брат Тимофей и брат Аполлинарий. С улицы, из арендованной электроколяски с верхом, следил за ситуацией брат Вадим.

– Если вкратце, – начал брат Тимофей, машинально тасуя колоду карт и переходя после приветствий к делу, – нам не удалось уничтожить этот британский уют при помощи брандера.

– Я читал газеты, – произнёс брат Ярослав, – из них так и не поняли, почему не сработал брандер?

Тут брат Тимофей взглядом передал слово своему товарищу: ну, расскажи, как дело было.

– Брандер сработал, – спокойно, не выказывая обиды за своё детище, ответил великосхимному брат Аполлинарий, а сам от некоторого волнения стал крутить свою трость с головой

гуся, – но, к сожалению, он сработал на лодке, которой англичане пытались перегородить ему путь.

– Оттуда и потери англичан, – догадался «князь». А ещё он внимательно поглядел на трость инженера.

– Да, погиб офицер и несколько нижних чинов, – продолжал Квашнин.

И тут же брат Ярослав сказал ему:

– Брат Аполлинарий, тебе надо сменить трость.

– Трость? – растерялся Квашнин.

– Приметная больно, – пояснил великосхимный.

– Хорошо, сменю, – пообещал брат Аполлинарий.

– Сегодня же! – настоял руководитель.

– Сменю сегодня же, – отвечал ему инженер.

И когда тема была исчерпана, совещание продолжилось.

– После этого вы предприняли какие-то действия? – поинтересовался брат Валерий.

– Мы забрали у них подшипник и взорвали его..., – продолжил рассказ брат Тимофей.

– А подшипник – это...? – «князь», видимо, был далёк от всякой механики и не понимал, о чём идёт речь.

– Важная деталь крепления гребного винта, без которой линкор не может выйти в море, – пояснил ему брат Аполлинарий, в миру инженер Квашнин.

– Итак, вы уничтожили важную деталь, без которой корабль не плавает? – резюмировал великосхимный. – И сколько они будут ждать следующую деталь?

– Полагаю, ещё пару недель, – отвечал ему гамбургский резидент Опричного ордена.

– То есть у нас всего две недели, – определился со временем брат Валерий. Сам при этом налил себе вина. Потом своими маленькими внимательными глазами посмотрел на «князя»: две недели всего, что скажешь?

Но брат Ярослав молчал. И тогда заговорил резидент.

– Не более того. – Он всё ещё тасовал карты. – И теперь повторить вариант с брандером не удастся.

– Отчего же? – интересуется брат Ярослав.

– Они огородили акваторию верфей бонами и патрулируют её, ночью патрули удваиваются. В акватории постоянно находятся два бота с пулемётами, – объяснил брат Аполлинарий.

– Ещё шесть прожекторов светят с берега, – добавил брат Тимофей. – Там теперь ночью светло, как днём.

– Ну ясно, – как-то невесело произнёс брат Ярослав.

– А что насчёт берега? – спросил брат Валерий. – Наверное, не подойти? Сильная охрана?

– Вокруг верфи забор, тоже прожектора везде. Патрули. Полиция бродит круглосуточно.

– Полиция? – без всякого удивления снова уточнял великосхимный.

– Да, местные очень рьяно сотрудничают с англичанами, – подтвердил брат Тимофей, – городские элиты суть элиты торговые, купчишки, они заинтересованы в английских портах и колониальных товарах.

– Понятно, понятно, – брат Ярослав махнул рукой: не нужно разъяснений, – то есть на верфи пройти трудно.

– Боюсь, что невозможно. Они здесь устроили неслыханные предосторожности, завели всему персоналу верфей пропуска, мало того, ещё и с фотографиями, – рассказал новоприбывшим братьям инженер Квашнин.

– То есть это такие удостоверения личности с фотографиями? – просил разъяснений «князь». – Без которых не пропускают внутрь предприятия?

– Не пропускают! – подтвердил брат Тимофей. – Забыл – иди домой. Тебе запишут опоздание.

– Даже уборщикам завели пропуска, – продолжил брат Аполлинарий. – Так что на верфи пробраться очень сложно.

– Нет пределов британской мерзости! – морщился брат Валерий; впрочем, морщился он, кажется, с усмешкой.

– А в довершение, к двум местным ведьмам из Лондона прислали ещё двух, – добавил брат Тимофей. – Волнуются за свой утюг, переживают.

– Это проверенная информация? – уточнил «князь».

– Нет не проверенная. Но наш человек, работающий на аэровокзале, сообщил, что видел, как две бабы после рейса из Лондона садились в экипаж Холодной ведьмы.

– А как ваш человек узнал, что это экипаж Холодной? – сомневается брат Валерий.

– Тут, в Гамбурге, не много экипажей с гербами и ещё меньше гербов с герцогской короной, – отвечал ему брат Аполлинарий.

– Ясно, но всё равно нужно проверить; я хочу знать наверняка, прибыли сюда новые ведьмы или нет, – произнес великосхимный.

– Я выясню, – обещал брат Тимофей.

А брат Ярослав взглянул на брата Аполлинария и попросил весьма вежливо, совсем не по-княжески:

– Аполлинарий Антонович, я с братом Вадимом хочу всё осмотреть своим глазами. И заборы, и прожектора, и сам корабль... Ты не мог бы нам всё это показать?

– Конечно, когда вы хотите взглянуть?

– Времени у нас немного, завтра, часов в пять, и начнём, экипаж у нас имеется, а ты найди лодку. Успеешь?

– Я всё организую, – обещал инженер.

– Да, если есть, захвати оптические приборы, бинокль или ещё что.

– У меня всё есть.

– Отлично, – теперь великосхимный взглянул на гамбургского резидента Ордена, – брат Тимофей, ты тогда завтра с братом Валерием займись обустройством.

– Нужно место?

– Да, тут мы собираться всё время не сможем, хозяин квартиры может и в полицию сигнал дать, они же, немцы, такие... Найди что-нибудь в доках или, может, склад какой с конторой; вы тут уже обжились, цены знаете, а то брат Валерий искать долго будет, да и снимет дорого.

– Завтра же и начнём, – обещал «князю» резидент.

На том первое совещание и закончилось, и братия стали расходиться по одному.

Глава 6

Джеймс никогда не позволял себе прерывать её завтрак, если поводом к тому не было что-то экстраординарное. И ей было достаточно одного взгляда на него, чтобы по ореолу над его головой догадаться, что у него для неё что-то есть. Леди Джорджиана промокнула губы салфеткой и спросила у слуги:

– Джеймс, что там?

– Ничего особенного, миледи, леди Рэндольф привезла трёх дам, и они ждут, когда вы их примете, – отвечал тот. – Леди Рэндольф не сказала мне, что это срочно.

Для американки, может быть, это и не было делом срочным, а вот герцогиня сразу ожилилась, заторопилась. Она кинула салфетку на стол и встала.

– Сэр Невилл, прошу вас меня простить.

– Ну конечно, дорогая моя, – муж герцогини не сильно огорчился, он рассеянно доедал свой омлет, не отрывая глаз от утренней газеты, – дела, дела, они вам даже позавтракать спокойно не дают.

Супруга ему на это замечание ничего не ответила, так как была поглощена мыслями о самом для себя важном деле, она лишь бросила на ходу:

– Джеймс, проведите дам в мой кабинет.

Герцогиня едва успела усесться за стол, как в кабинете появилась леди Рэндольф и после обычных приветствий произнесла:

– Я выбрала трёх женщин, все молоды, все здоровы, ну, на вид во всяком случае, все приезжие.

– Ну так зовите, – герцогине не терпелось увидеть этих женщин, это нетерпение было сродни тому, что испытывает молодая красавица в любимом магазине одежды, когда продавцы выносят ей прекрасные платья. – Я хочу на них взглянуть.

Леди Рэндольф подошла к двери и впустила в кабинет трёх девиц.

Они, робея и делая книксены, вошли.

– Сюда, – строго распорядилась леди Рэндольф, – станьте на свет, хозяйка хочет вас рассмотреть.

Герцогиня встала со стула, подошла ближе и, чтобы разглядеть девушек, поднесла лорнет к своим подслеповатым глазам. Ей хватило одного беглого взгляда, чтобы выбрать ту, которая ей подходила. Конечно, герцогиня выбирала, глядя на кожу молодых женщин. Крупная белокурая девушка имела отличную белую кожу. Леди Кавендиш остановилась напротив неё и стала рассматривать девушку через лорнет.

Да, кожа у неё была именно такой, какая ей и требовалась! Леди Кавендиш даже не удержалась и провела своей холодной рукой по щеке девушки.

«Чистый бархат».

Та не отстранилась, не испугалась, а лишь застенчиво улыбнулась. И тогда герцогиня спросила у неё:

– Как тебя зовут?

– Марта Хофманн, – сразу откликнулась та.

– Ты не из Гамбурга? – продолжала леди Кавендиш. Теперь она через лорнет заглядывала девушке в глаза.

– Нет, госпожа, я из Ойцвенга, – герцогиня различила в её речи акцент.

– Из Ойцвенга, – леди Джорджиана всё ещё рассматривала девушку, – это прекрасно. А как твоё здоровье, Марта Хофманн? Не болеешь ли ты чем-нибудь?

– О нет, госпожа, я абсолютно здорова, у меня нет никаких хворей, и простужаюсь я редко.

– А ты привычна к работе? – продолжала герцогиня. Она была довольна увиденным: и кожа молодой женщины, и её глаза на вид были здоровы. И последний вопрос был лишь маскировкой.

– О, да, госпожа, – Марта, кажется, изо всех сил старалась убедить эту важную старую даму, что она будет полезна в её доме, и поэтому рассказывала: – Я выросла на ферме моего дяди, со скотом и с огородом управлялась, и по дому, и по кухне могу работать, я работающая. Не боюсь никакой работы.

– Вот как? – леди Кавендиш сделала паузу, – ну что ж, вы приняты. Леди Рэндольф, прошу вас отпустить остальных.

Старая герцогиня чувствовала даже некоторый подъем, когда рассматривала великолепную кожу служанки. Она едва сдерживала себя, чтобы не прикоснуться к ней снова. И ей это удавалось лишь при мысли, что вскоре эта кожа будет «надета» на её тело, и тогда она уже сможет всю насладиться прикосновениями к этой гладкой и эластичной поверхности. Впрочем, леди Кавендиш вполне обоснованно полагала, что наслаждаться прикосновениями к этой коже будет не она одна. И от этих мыслей сердце немолодой леди начинало биться ещё чаще. А тем временем две другие девушки, те, что не были приняты на службу, уходили разочарованными, кажется, со слезами на глазах; им, судя по всему, очень хотелось найти себе работу в этом прекрасном доме.

Герцогиня обернулась к дворецкому, который стоял в дверях кабинета, и сказала, – Джеймс, позови кого-нибудь из лакеев, пусть проводят новенькую к доктору Мюррею.

– Как прикажете, миледи.

Новая служанка не понимала английского, но слово «доктор» она узнала.

– Госпожа, вы хотите позвать доктора для меня? Но мне не нужен доктор!

– Доктор нужен мне, – ласково улыбалась ей леди Джорджиана. – А ты... ты немножко поможешь ему. Иди, не волнуйся, с тобой всё будет хорошо.

После того как за Мартой пришли два лакея и вывели её из кабинета, герцогиня взглянула на леди Рэндольф, что во время всей встречи и осмотра девушек стояла у стены и молчала.

– Я признательна вам, дорогая моя, вы нашли прекрасный экземпляр.

– Я рада, что смогла вам помочь, – отвечала герцогине её помощница. Она и вправду была рада, так как до сих пор не слышала от своей начальницы ни одного слова похвалы. Леди Рэндольф очень хотелось узнать, что будет с этой служанкой Мартой. Нет, она, конечно, догадывалась о её судьбе, но американке очень хотелось знать подробности. Только вот спросить она так и не решилась, подумала, что спросит об этом, когда как-нибудь отличится. Когда герцогиня будет к ней расположена. А та, уже позабыв о служанке, снова вспомнила о делах.

– К нам в помощь из Лондона прислали двух сестер, вы ещё не знакомы с ними.

– Не имела чести быть представленной им, – отвечала леди Дженнет.

– Ну что ж, эту ситуацию нужно исправлять, тем более что вам придётся с этими опытными дамами работать. Завтра же устрою небольшой дамский ужин. Вы, леди Дженнет, приглашены официально.

Леди Рэндольф низко присела в книксене.

***

Герр Ройке улыбался и выглядел как победитель, когда выкладывал перед Зоей со своего лотка разные крема для обуви:

– Это для коричневых башмаков, а этот, бесцветный, подходит для всей обуви, что из кожи, а вот этот отлично защищает от воды.

Он, конечно, был горд собой: рано утром он пришёл на фабрику, где изготавливали эти крема и ваксы, устроился туда и уже прошёл инструктаж и получил торгово-рекламный набор. Вот только почему-то всё это не очень радовало ту, для которой он так старался.

– Фройляйн Гертруда, – Генрих вдруг перестал показывать ей гуталин в разных красивых баночках и уставился на девушку взглядом, выражавшим озабоченность. – С вами всё в порядке?

– Конечно, – ответила дева, – а что со мной не так?

– Ну, у вас такой вид, – Ройке словно извинялся, – как будто у вас что-то болит. У моих сестер бывает такой же вид, когда у них болит голова и они вот-вот скажут что-то злое.

– Как глупо сравнивать разных женщин, – ответила дева и поджала губы. – По-вашему, мы все одинаковые?

– Вы одинаково поджимаете губы и закатываете глаза! Точь-в-точь, как мои сёстры! – засмеялся Генрих.

Она бы могла на него разозлиться, эта шуточка была для того роскошным поводом, но Зоя не разозлилась. Ну, хотя бы потому, что этот герр Ройке был... очень наивным. И ещё... немножечко милым.

Ну а быть невесёлой у девушки имелся весомый повод. Ведь как ни крути, а Генрих очень, очень сильно рисковал, если бы всё-таки решился на эту авантюру с ваксами. Вот, правда, он и понятия не имел о том, куда собирается идти. Конечно, дева ему говорила, что это одно из самых опасных мест в Гамбурге, но не говорила, насколько и чем оно опасно. И сейчас, пока она слушала его и рассеянно смотрела на кремы и ваксы, в ней боролись два – или даже три – желания. Первое: рассказать ему всё об опасностях, что ждут его во дворце, о тварях в женском

обличии, от которых неподготовленному человеку невозможно скрыть свои намерения и свои эмоции. И что они будут самой большой опасностью для него, если он отважится туда пойти. Второе желание – об этом не рассказывать. Ведь если он не знает об умениях ведьм, то и опасаться их не будет. Генрих просто не будет знать, что этих баб нужно бояться, а значит, в нём не зародится страх, который англичанки просто нутром чуют. А третьим её желанием было взять и сказать: герр Ройке, вся эта ваша затея с вакцинами – глупость, и поэтому ничего подобного мы предпринимать не будем. После чего с чистой совестью начать искать другой путь к старику Джеймсу.

Но решить, какой из этих трёх вариантов выбрать, она не могла, ей нужно, нужно было добраться до Джеймса, вот только... Рисковать этим болваном, который даже не понимал всей опасности предприятия, Зоя очень не хотелось. Одно дело – какой-то глупый чех на аэровокзале; случись ещё раз такое дело, с ним дева поступила бы так же, как и в прошлый раз. Её так учили, она была подготовлена пренебречь даже своей жизнью, а уж жизни каких-то там чехов для неё значили ещё меньше. Тот чех был всего-навсего пешкой, что своей жертвой сохранила более значимую фигуру. Но Генрих...

А этот болван всё так же улыбался и говорил:

– Кажется, фройляйн Гертруда, вам не очень интересно слушать про эти вакцины и гуталины.

– Они говорят на английском и, боюсь, немецкого не знают, – вдруг произнесла Зоя. Это был отличный повод покончить с затеей Генриха: Никаких вакс, никаких вазелинов, никаких визитов во дворец Холодной ведьмы. Вопрос, казалось бы, решён!

– Прекрасно! – продолжал улыбаться молодой человек. – У меня в гимназии была пятёрка по английскому языку, и по латыни тоже. Тем более в школе пилотов цеппелинов отдельный курс европейских языков, ведь цеппелины сейчас летают по всей Европе, и я как раз подтягиваю свой английский для поступления. Вот и попрактикуюсь.

Но девушку это не убедило, и она покачала головой:

– Нет, Генрих, ваша затея мне не нравится.

– Но отчего же! – искренне удивился тот. – Моя мысль правильна и логична. Она работает! Я проникну во дворец, доберусь до Джеймса и предам ему ваше послание.

– Ваша мысль глупа, а вы самонадеянны! – резко ответила ему девушка. Её так и подмывало добавить: «Вы даже представить не можете, куда вы хотите проникнуть!». Но всё-таки она не сказала этих слов.

Возможно, поэтому молодой человек твёрдо и уверенно произнёс:

– Фройляйн Гертруда, я справлюсь, поверьте мне.

Кажется, именно эта его уверенность и сыграла решающую роль в принятии решения. Зоя смотрела на него. Смотрела и молчала. Вид её был строг, взгляд внимателен. Тем не менее Генрих глядел на неё во все глаза, ожидая от девушки согласия, а заодно он любовался ею. И наконец она произнесла всё так же строго и даже холодно:

– Если у вас всё получится, вы можете рассчитывать на мою благосклонность.

– Что? – Генрих открыл рот и теперь выглядел удивлённо и немного по-дурацки. – На вашу благосклонность? Извините, фройляйн Гертруда, я, кажется, не понял...

– Вы всё прекрасно поняли, Генрих, – всё с той же строгостью продолжала девушка. – Но я повторю: если у вас всё получится, вы вправе рассчитывать на мою благосклонность. И на мою глубокую признательность.

– О! – только и смог произнести господин Ройке. Он всё ещё смотрел на девушку, широко раскрыв глаза и даже покраснев немного.

Глава 7

Они расселись. Никто не пожелал начинать разговор первым. И брат Тимофей молчал, и брат Валерий; Емельян Николаевич Тютин, нынче присутствовавший на совещании, тоже

помалкивал. Молчал и инженер Квашнин. Все как бы делегировали право начать разговор самому великосхимному, и посему брат Ярослав начал:

– А что это вы, братия, приуныли-то?

Он обвёл взглядом всех присутствующих. Конечно, увиденное им сегодня оптимизма не прибавляло. Англичане и вправду создали вокруг своего корабля непреодолимые барьеры. Отнеслись к этой своей задаче очень серьёзно. Ни с реки, ни с суши подобраться к линкору было невозможно. Везде охрана и патрули. На берегу забор с колючей проволокой, полицейские дежурят круглосуточно, да ещё новая ведьма у проходных стоит и всех, вплоть до последнего рабочего, «проглядывает». Словно насквозь людей просвечивает своими рыбьими глазами. Великосхимный с братом Вадимом подъезжал к проходным на экипаже, останавливался у одного из домов, где жили рабочие, стоял минуту, более там задерживаться было нельзя, это могло привлечь внимание, но за эту минуту успел рассмотреть в бинокль ведьму, что ошивалась у ворот на верфи с парой своих головорезов. Англичанка пропускала мимо себя людей, словно опытный пастух, выискивая взглядом больных особей.

Рабочие торопятся на работу, проходя мимо неё, ёжатся, как от ледяного ветра, косятся на мерзкую бабу, боятся её. Стараются проскользнуть мимо неё побыстрее. Люди чувствуют пронзительный ведьмин «глаз».

После брат Ярослав поехал вдоль забора верфи, отмечая для себя полицейских, что парами прогуливались по периметру.

– Ишь как гуляют.

– Они тут круглосуточно торчат, – прокомментировал ситуацию брат Тимофей.

На это великосхимный ничего ему не сказал, а лишь заметил:

– Тогда неплохо было бы по реке прогуляться.

– Да, конечно, думаю, брат Аполлинарий уже лодку для тебя приготовил.

И они поехали к пристани. «Князь» сел в лодку, что ждала их уже под парами, и они вдвоём с Квашниным пошли по реке вниз. Пробыли на воде не менее двух часов. И там брат Ярослав ничего хорошего для себя и для дела не узрел. Как и говорил ему инженер на прошлом совещании, подойти к кораблю по реке было практически невозможно. Боны, патрульные боты, пулемёты и прожектора исключали такую возможность.

В общем, возвращались на конспиративную квартиру монахи молча.

– Ну, что притихли? Почему не говорите ничего? – наконец поинтересовался великосхимный.

– Ну, говорить-то особо нечего, – вяло отвечал ему брат Тимофей, так как никто больше говорить не захотел. – Был у нас шанс, так мы его не использовали, теперь англичане укрепились сто крат против прошлого. Уж и не знаю, как теперь подступиться к ним; уверен, что теперь подшипник они повезут на линкор под большой охраной, второй раз украсть его не позволят.

«Князь» ещё раз обвёл своих товарищей взглядом, и увиденное его не порадовало; он вздохнул и произнёс:

– Вижу в вас, братия, большую печаль, а печаль сия – суть уныние! А уныние еси грех, и происходит он из потери веры. А нам, чернецам, веру терять никак нельзя, ибо кроме неё нет у нас ничего. Так что хватит киснуть. Не сможем сделать дело, так никто нас не упрекнёт, но попытаться мы обязаны. Прочь уныние, давайте ваши мысли: говорите, как нам этот линкор изничтожить?

– Ну, есть тут у меня одна задумка, – начал инженер.

– Отлично, говори, брат Аполлинарий.

– Нельзя подойти к утюгу ни с суши, ни с воды, так давайте попробуем с воздуха!

– С воздуха? – за всех удивился брат Тимофей. – Это как?

– Ну, захватываем дирижабль, грузим на него тонну, а лучше – пару тонн взрывчатки и сбрасываем её на линкор.

Все посмотрели на него с уважением. А брат Ярослав так даже похвалил:

– Масштабно мыслишь, брат Аполлинарий, авантюрно, но масштабно. Хорошо. Давай думать: цеппелин мы угоняем вместе с пилотом, взрывчатку приобретаем. Какие у нас могут возникнуть проблемы?

Тут Квашнин замялся:

– Устройство сброса взрывчатки. Она должна упасть одной партией, вся вместе, плюс ещё нужно будет рассчитать траекторию падения, ещё посчитать время, придумать взрыватель. В общем, нужны будут испытания. Это займёт не одну неделю.

– Тем более что цеппелин будут искать, а попробуй-ка его спрячь, – закончил за него брат Ярослав. – Да, идея интересная, если у нас есть ресурсы и время. Но мы находимся в цейтноте! Да и ресурсы наши ограничены.

И снова все замолчали, и опять великосхимный спросил:

– Брат Тимофей, а у тебя нет никаких мыслей?

– Ну, есть одна идея, – нехотя отвечает ему гамбургский резидент.

– Ну так поделись.

– Выясняем на каком судне привезут подшипник; если простой «купец», садимся на лодку, выходим в море, пока кораблю не дали лоцмана и пирс, берём его на abordage и топим!

Он замолчал, глядя на «князя» и ожидая от него реакции, и та последовала:

– Да... Да, молодцы. Что мне в вас нравится, братия, так это ваш размах. Вы вообще не стесняетесь. Угнать цеппелин и сбросить с него две тонны взрывчатки. Или, опять же, пиратство в прибрежных водах... Вы не боитесь крупных мазков, – и всем было непонятно, чего в этой его речи больше – похвалы или иронии. А великосхимный тем временем продолжал: – Ладно, этот вариант с захватом «купца» оставим на крайний случай. А сами попробуем сработать по старинке.

И вот теперь все оживились. Кажется, у брата Ярослава была какая-то идея. Но раскрывать он её не собирался, во всяком случае, пока.

– Итак, – «князь» взглянул на Квашнина. – Ты ведь, брат Аполлинарий, большой дока насчёт всякой техники.

– Ну... у меня есть некоторые технические знания и навыки, – скромничал инженер.

– А с новыми фотокамерами знаком? Это те, что с «длинными» объективами, которые снимают с большого расстояния.

– С фотокамерами знаком, работать с ними могу, – уверенно отвечал Квашнин, – про новые объективы читал. Хотел попробовать.

– Вот и попробуй! – продолжал великосхимный. – Купи лучшую камеру и самый лучший объектив, мне будут нужны фото всех офицеров с линкора. Брат Вадим тебе в помощь. Он тоже большой любитель всякой техники. А ты, брат Тимофей, помоги им местом, устрой квартиру, чтобы они проходные с верфей, через которые выходят англичане, могли снимать без труда. И нужно с этим поторопиться, хочу, чтобы брат Аполлинарий начал делать снимки уже завтра.

– Понял. Там напротив ворот верфей есть хорошие чердаки, может, какой подойдёт, – припомнил Елецкий. – Мы с братом Емельяном, – он взглянул на казака, – займёмся этим прямо сейчас.

– Займитесь; а как освободитесь..., – теперь великосхимный поглядел на Тютина, – ты, брат Емельян, с братом Валерием прошвырнитесь-ка по кабакам, где ошивается британская матросня.

– Зачем? – сразу оживился казак.

– Надо будет найти самого драчливого забияку с линкора, желательно какого-нибудь унтера, а не простого матроса.

– Так, ага, – сразу стал вникать в суть дела Тютин. – А для чего он нам надобен?

– Для разговора, – отвечал ему брат Ярослав.

– А! Типа «языка» взять для допроса! – догадался казак.

– Да, «языка» для допроса, – кивнул великосхимный. – Вот только он нам понадобится, когда брат Аполлинарий и брат Вадим сделают нам фотографии офицеров с линкора. А пока только приглядитесь к ним.

– Всё понял, всё сделаем.

– Брат Валерий тебе в помощь будет.

И тут Тимофей Сергеевич Елецкий всё-таки спросил:

– Так у тебя, брат Ярослав, есть мысли по поводу дела?

Этот вопрос был не праздный, все хотели знать, есть ли у руководства план, чтобы ободриться, чтобы понять, что все их усилия не были и не будут напрасны. Но вместо этого великосхимный как-то уклончиво сказал:

– Мысли-то у меня всегда есть, – а потом ещё добавил всё так же туманно: – Они у меня на всякое дело имеются, да вот не на всякое дело правильных мыслей у меня хватает.

Елецкий поглядел на него искоса, вроде в этом взгляде было и восхищение – вельми великомудр брат во Господе Ярослав, – но и недоумения в глазах резидента хватало тоже. После он вздохнул, и на этом стали братия из квартиры расходиться. Но перед тем, как выйти первым, Тютин, улучив момент, спросил у Елецкого:

– Так что он сказал-то? Есть у него мысли?

– Поди пойми его, – пожал плечами гамбургский резидент. – Тебе сказано с братом Валерием пройтись по кабакам в порту, вот и собирайся.

***

Герцогиня знала: если доктор Мюррей хочет с нею встретиться по своей инициативе, нужно ждать чего-то неприятного. Чаще всего это были очередные просьбы денег. Доктор почему-то считал, что делает для леди Кавендиш очень много, и осознание этого рождало в нём избыточное самомнение; но он не знал, что к леди Джорджиане пару раз в год приходят разнообразные доктора типа него самого, которые обещают ей новые способы сохранения здоровья и даже возвращения молодости. Однако герцогиня не спешила их нанимать и просила убедительных доказательств объявленных возможностей. Не догадываясь об этих визитах коллег-конкурентов, Мюррей вёл себя несколько самонадеянно и всегда раздражался, если она отказывала ему в требуемых суммах или пыталась хоть как-то урезать его расходы. Вот и сейчас, когда Джеймс доложил ей, что её желает видеть доктор, она оторвалась от бумаг, в которых делала правки, и поджала губы. А потом с надеждою подумала:

«Может, всё-таки он заведёт разговор о будущей пересадке глаз, а не о деньгах? Впрочем, он большой мастер увязывать нужные операции и новые расходы, придумает что-нибудь про аппарат для гальванизации тканей фунтов за триста или ещё что-нибудь».

В общем, гадать было бессмысленно, и она произнесла:

– Пригласи его, Джеймс.

О, в этот день доктор пришёл к ней в новой, чистой рубашке. Только на манжете левого рукава красовались какие-то коричневые пятна, во всём остальном мистера Мюррея можно было считать чистым. Ну, трёхдневная щетина и сальные волосы до плеч не в счёт.

– Итак, доктор, чем я могу вам помочь? – подслеповато шурясь, спросила герцогиня.

– Я пришёл с не очень хорошими новостями, – Мюррей вздохнул; судя по всему, он и сам был не рад этому разговору.

– Вы себе не изменяете, – холодно заметила на это леди Джорджиана. – Говорите, что произошло?

– Я хотел сказать вам о той особи, что вы прислали.

И вот тут леди Кавендиш отложила перо, потому что для этой старой женщины вопроса важнее в этом свете не существовало. Даже её неуёмная страсть к драгоценным камням, и та меркла перед одержимостью омолаживать себя. Она внимательно глядела на доктора, ожидая неприятных вестей: ну, говорите уже!

– Особь, которую вы прислали, близорука, – наконец произнёс Мюррей.

– Близорука? – удивилась леди Кавендиш. – Отчего же она близорука? Она же молода!

– Это наследственное, – уверенно отвечал ей доктор. – Да и крупна она для вас, её глаза слишком велики для ваших глазниц.

– Велики? Близорука? – герцогиня всё слышала, но смысл сказанного доктором ускользал от её цепкого ума, так как она не готова была всё это воспринимать. Это не укладывалось в её чёткие планы и, значит, было непонятным.

– Её глазные яблоки и так крупны, да ещё и вытянуты из-за наследственной болезни, они вам не подойдут.

Теперь для леди Джорджианы всё стало ясно: глаза той девки ей не подходили. Придётся искать новую особь. Ну а...

– А кожа? – спросила она.

– Ну, с кожей всё в порядке, – отвечал ей Мюррей. – Правда, особь почувствовала что-то неладное, когда её привели к нам, и начала биться, едва удалось успокоить её, пришлось использовать хлороформ.

– Надеюсь, вы не повредили её кожу? – уже с опасениями в голосе произнесла герцогиня.

– Почти не повредили.

– Что значит «почти»?! – герцогиня вскочила со стула. Она уже настроилась на обновления, и ей очень не хотелось начинать новые поиски. Её мягкие туфли сделали уже пару шагов по толстому ковру в сторону доктора, глаза старухи горели молодым огнём ненависти, её взгляд буквально пронзил доктора.

Это был как раз тот самый взгляд, который люди могли ощутить физически и от которого даже у крепких мужчин начинали дрожать колени, и доктор почувствовал на себе всю его силу. Он сглотнул слюну, ослабил и без того не слишком тугий узел на галстук и произнес сипло:

– Миледи... Прошу вас... Кожа особи в порядке, её немного поцарапали, когда запирали в клетку, сейчас особь под галоперидолом, она не активнее овоща. Царапины на коже незначительны.

Ей хотелось взять трость, подойти к этому тупому доктору и переломать ему кости! А лучше разmozжить кости его лица. Она знала, что под этим её взглядом он не сможет сопротивляться, но британские ведьмы и кичились тем, что умели держать в узде свои самые яростные эмоции. Она сделала глубокий вдох и удержала свой пыл.

– Значит, кожа её в порядке?

– В по... в порядке, миледи, – заикаясь отвечал доктор. Он всё ещё теребил узел своего галстука. – И все отдельные органы у неё в отличном состоянии, я всем им найду применение. Я бы порекомендовал её печень сэру Невиллу, так как его печень имеет высокую степень ожирения.

– Думаю, сэр Невилл будет вам признателен? – леди Кавендиш уселась в своё кресло. – Когда вы собираетесь провести операцию? Имейте в виду, мне нужно планировать свой распорядок.

– Два... ну, три дня, и у меня всё будет готово, – заверил её доктор. – И после ещё пару дней уйдёт на ваше восстановление. Думаю, что через неделю вы сможете уже покрасоваться в новой коже.

«Это было бы здорово. Тем более, что и волосы на голове той девки были на удивление».

– Хорошо, – после некоторого раздумья произнесла герцогиня, – я не хочу затягивать с этим. Поторопитесь.

– Сегодня же начну вводить вам препараты, ослабляющие иммунитет. Начнём вечером.
– Прекрасно.

– Но, – доктор замялся, – я бы всё-таки рекомендовал вам подождать, пока найдутся глаза. Совместив две операции, нам удалось бы значительно уменьшить отрицательное воздействие некоторых препаратов на ваш организм, да и болезненные ощущения при выздоровлении тоже.

– У меня нет времени ждать, пока появятся хорошие глаза, – ответила герцогиня.

Она лукавила. Время у неё было; просто, как и всем женщинам, ей не терпелось примерить обновку. А именно, почувствовать на себе приятную и эластичную кожу молодой особи, которую ей подыскала леди Рэндольф.

«Быстрее бы уже!».

Глава 8

Она так и не сказала ему, что из себя представляют женщины, которых он может там встретить. Зоя решила, что лучше ему этого не знать. Не будет знать – не будет нервничать при встрече с ними.

Но всё равно затея Генриха ей была не по душе.

– Ну вот, вам открывают дверь, вы видите мурло наглого лакея, что вы ему скажете? – спрашивала она, глядя на молодого человека с видом, который ну никак нельзя было назвать доброжелательным.

– Я скажу ему: добрый день сэра. Я представитель компании «Ноенг и Гукк». Мы торгуем гуталинами и ваксами. Если вы проведете меня к человеку, который занимается обувью ваших хозяев, я дам вам шиллинг, – на бойком английском, хоть и с явным немецким акцентом, отвечал ей Ройке.

– А если он скажет вам: убирайся, болван? – спросила Зоя.

Тут Генрих растерялся. Он не был готов к такому, казалось бы, естественному ходу событий.

– Вы тут же должны сказать: три. Три шиллинга, – всё с тем же недовольным видом продолжила девушка.

– Три? – переспросил у неё Генрих.

– За один шиллинг он может не захотеть возиться, – пояснила Зоя. – А за три шиллинга любой лакей будет рад постараться, – она уловила некоторое несогласие во взгляде своего помощника и добавила: – Я дам вам три шиллинга, Генрих.

– Да, наверное, вы правы. От трёх шиллингов вряд ли кто откажется, – произнёс молодой человек и внимательно посмотрел на девушку. – Фройляйн Гертруда.

– Да, – она всё ещё была далека от того, чтобы быть довольной.

– Кажется, моя затея вам не очень по душе.

– Да, Генрих, ваша затея мне не по душе, – призналась дева.

– Может, это из-за того, что..., – он немного замялся; видно, эта тема давалась ему не очень легко, – ну, из-за того обещания, что вы дали мне недавно.

– При чём тут это?! – Зоя даже нахмурила брови. Она так зло смотрела на Ройке, что тот начал поправлять манжеты, а потом и галстук. – Это тут не при чём! Просто я напоминаю себе старую белку, которая спокойно смотрит на глупого бельчонка, что лезет в дупло к кунице.

– Куда лезет, к кому? – нахмурился Генрих. Видно, этот гамбургский житель не очень хорошо понял её метафору.

– Генрих! – Зоя продолжала испепелять его злым взглядом. – Это очень опасное место.

– А лакеи англичан – очень опасные люди! – добавил он, и в его голосе Зоя расслышала скрытую усмешку.

Она вздохнула, подавила в себе вспышку недовольства и, вспомнив, что предлагаемый Генрихом вариант – это пока их единственный рабочий план, произнесла:

– Хорошо, он возьмёт у вас деньги и пропустит во дворец. Что вы будете делать дальше?

– Ну, дождусь, пока ко мне придёт этот ваш Джеймс.

– Как он выглядит? – продолжала проверять своего помощника Зоя.

– Старик. Высок ростом, почти не сутулится. Волосы совсем седые, редкие, с залысинами.

– А глаза? – спросила дева.

– Что глаза? – Генрих уставился на неё удивлённо. – Вы мне ничего про его глаза не говорили.

Верно. Она ничего ему про глаза Джеймса не сказала. Она и сама не успела их рассмотреть, а теперь спрашивала, просто чтобы проверить его – всё ли он помнит из её рассказа.

– Ладно, чем он ещё выделяется на фоне всех остальных слуг?

– У него серый в клетку жилет, остальные лакеи носят черные жилеты... У него серый галстук и чистые манжеты.

– Ещё!

– А! Серебряные запонки с буквой «джи»!

Зоя не стала его хвалить – может зазнаться, – хотя Генрих ни в чём не ошибся. Она продолжила:

– Допустим, вам удастся с ним встретиться. Вы остались с ним наедине, что дальше?

– Я начну рекламировать ваксы, а когда найду удобный момент, произнесу..., – тут Ройке перешёл на английский: – Одна леди, который вы оказали неоценимую услугу, очень хочет вас отблагодарить.

– «Юная леди», – поправила его Зоя. – У него могут быть другие знакомые женщины, он должен догадаться, о ком идёт речь.

– Да-да, конечно, «юная леди», – исправился Генрих. – И после я скажу ему, что буду ждать телеграммы до востребования на телеграфе номер сто на имя Смита.

Всё было правильно, деве нечего было исправлять. И тогда Ройке продолжил:

– Может, всё-таки написать записку, он же старый, может всё и не запомнить со слов?

– А вдруг вас обыщут на входе и найдут эту записку? – конечно, у Зои было намного больше опыта подпольной работы, чем у этого жителя Гамбурга.

– Ну найдут и найдут, – пожимал плечами Генрих; он явно не понимал, о чем говорит, впрочем, и куда собрался идти – тоже. – Подумаешь, записка с телеграфным адресом и именем, мало ли кто сейчас с такими записками ходит.

Зоя могла бы ему рассказать, что такая записка – отличный повод для людей из дворца как следует заинтересоваться им. И если какой-то проворный, желающий выслужиться лакей доложит ведьме о подозрительном посетителе, который пришёл к её дворецкому с какой-то непонятной запиской, то та наверняка захочет на Генриха взглянуть. И ей будет достаточно всего одного взгляда, после которого его отволокут в неприятное место, где из него выжмут всё, что он знает. Ройке и сам исчезнет без следа, и ещё потянет за собой и дворецкого, да и ей придётся срочно уходить из города. Нет, всего этого девушка обаятельному молодому человеку говорить не стала. Она лишь вздохнула и покачала головой: нет. И произнесла:

– Всё передадите на словах. Только на словах. Никаких записок. Вы вообще не должны брать с собой каких-либо бумаг.

– Но мне на фирме выдали блокнот.

– Там есть какие-нибудь записи?

– Нет, кажется. – Ройке достал блокнот из внутреннего кармана пиджака и пролистал его. – Нет, ничего нет. А ещё мне дали рекламный буклетик про ваксы.

Он был уже готов начать действовать, он прямо светился уверенностью в своих силах. И часть этой уверенности передавалась и девушке... Но всё равно, всё равно Зое вся эта затея не нравилась.

И всё её нежелание было продиктовано всего одним чувством: дева боялась. Боялась потерять этого доброго и милого парня. Ведь он был единственным человеком в этом огромном городе, на которого она могла положиться. И поэтому девушка, покачив головой, наконец произнесла:

– Нет, Генрих, вся эта затея слишком опасна. Нам нужно подумать о другом варианте.

На это Ройке лишь улыбнулся ей по-доброму и ответил:

– И всё-таки я сделаю это, не люблю бросать начатое на полпути, чувствую себя потом разгильдяем.

Услыхав подобное, Зоя округлила глаза от негодования и произнесла как можно строже:

– Герр Ройке, я вам запрещаю это делать!

Но и на этот раз Генрих ей улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой и сказал почти примирительно, но всё-таки твёрдо:

– Фройляйн Гертруда, пока вы не вправе что-либо запрещать мне.

Это было... по меньшей мере возмутительно!

«Что этот олух, ничего не смыслящий в оперативной работе, возмнил о себе?! Как он смеет не соглашаться со мной?!».

Зоя готова была накричать на него. Поначалу... Правда, потом одумалась и захотела рассказать ему о строгом единоначалии в любой подпольной ячейке... Но, подумав немного и поняв, что другого варианта добраться до Джеймса у неё пока нет, вдруг смирилась, вздохнула чуть деланно и произнесла:

– Гер Ройке, дело это очень опасно. И я вас об этом предупредила. Теперь, если что-то произойдёт... нехорошее... вам некого будет винить, кроме себя.

– Но и, если всё получится, мне некого будет благодарить, кроме себя, – отвечал ей Генрих, продолжая улыбаться. – В общем, фройляйн Гертруда, я готов рискнуть.

***

Тютин был почти на голову выше Павлова, но тем не менее тот не казался от этого незначительным или мелким, может, он не был широк в плечах, тем не менее был крепко сбит, а мозоли на кулаках говорили о том, что груши в атлетических залах от них порядком натерпелись. Котелок, выдавший виды, брат Валерий носил почти на затылке, его сюртук с левой стороны был чуть оттопырен, хотя он и пытался его прижимать локтем. Явно под сюртуком находилось что-то, чего у обычных людей быть не должно. Всякий опытный человек мог подумать, что там, под мышкой, у опричника в специальном кармане прячется небольшой револьвер.

Ловкие и сильные руки брата Валерия виртуозно поигрывали увесистой тростью. Маленькие пронизательные и внимательные глаза, чуть искривлённые усмешкой тонкие губы... Даже высокий и плечистый брат Емельян – и тот выглядел куда более безопасным.

В общем, брат Валерий походил как раз на такого человека, встречи с которым всякий честный бюргер всегда пытался бы избежать.

Они встретились на не очень богатой и не очень чистой после целого рабочего дня улице Хёгердамм, тут всем заправляли водители большегрузов. Котлы паровых экипажей остывали после трудового дня, а машинисты этих машин тем временем остужали себя девятью десятками сортов прохладного пива и подкрепляли себя десятком видов колбас и сосисок с кислой капустой. Близилась ночь, и на улице уже стали появляться яркие женщины всех возрастов и комплекций. Наступало их время.

– Ты хорошо знаешь этот район? – спрашивал брат Валерий, разглядывая двух как раз приближавшихся к нему дам общего пользования.

Они были весьма эффектны из-за румян и помады и весьма привлекательны из-за небольшого количества материи, что скрывала их прелести. Абсолютно открытые плечи и руки, яркие корсеты и необыкновенно короткие юбки, что едва прикрывали женские колени, обтянутые фильдеперсовыми чулками. Всё это буквально притягивало взгляды мужчин.

Когда две ещё совсем не старые дамы прошли мимо монахов, брат Валерий улыбнулся им и даже прикоснулся двумя пальцами к своему котелку в знак приветствия.

– Да не очень, – ответил казак, провожая дам глазами, – я ж тут недавно, меня сюда из Венеции перевели в срочном порядке.

– Венеция! – с какой-то мягкой грустью произнёс брат Вадим. – Мы там работали дважды. Очень люблю тамошние оперы. Ты бывал в Ла Фениче?

– Признаться..., – замешкался брат Емельян. – Я другие песни люблю.

– Зря, брат, зря, – брат Валерий взглянул на Тютин с деланным осуждением. – Я тебе поражаюсь – работать в Венеции и не ходить в оперы! Обязательно сходи на «Риголетто» в Ла Фениче. Это, брат, будет не хуже Ла Скала, я тебя уверяю. Там такой звук, такой звук!

– Схожу, схожу, – поняв, что попал на любителя оперы, обещал казак. – Если вернут меня туда, конечно. А у тебя как с немецким? А то я сразу себя выдаю, как только начинаю говорить. Приходится выдавать себя за серба.

– Насчёт немецкого не волнуйся. Мой преподаватель немецкого в университете плакал и подумывал меня усыновить, когда слушал, как я читаю Гёте.

– А, так ты образованный? – усмехнулся Тютин.

– Петербургский Его Императорского Величества университет. Диплом с отличием по банковскому делу и финансам.

– Ишь ты! – теперь казак уже удивлялся. – А чего же ты с таким умищем не в банк, а в опричники подался?

– Обстоятельства, дорогой мой брат, обстоятельства, – отвечал ему с некоторой грустью Павлов.

– И что же это за обстоятельства? – не отставал от него Тютин.

– А ты почему интересуешься? Может быть, в мои исповедники намереваешься? – отвечал ему брат Валерий, глядя на казака теперь уже без грусти, а скорее внимательно и даже не очень доброжелательно.

– Да нет же, не собираюсь я к тебе в исповедники, – сразу ответил Тютин. – Какой из меня исповедник...

– И из меня так себе, и посему предлагаю заняться тем, к чему мы с тобой, брат, способности имеем. Чего там брат Аполлинарий говорил про кабаки, где британки собираются?

– «Морской лев», – сразу вспомнил брат Емельян. – Самый известный кабак, где они ошиваются.

– И в него мы..., – начал Павлов.

– Конечно же, не пойдём, – закончил за него Тютин. – Надобно нам идти в «Медузу». Где ошивается вся шваль и рвань.

– А где он находится?

– По карте полчаса ходьбы отсюда, у реки. В доках.

– Полчаса? Тогда возьмём извозчика, – решил брат Валерий, и брат Емельян не стал возражать: извозчика – так извозчика.

Глава 9

– У нас всё готово, – с неподобающим для истинного монаха самодовольством заявил брат Вадим.

– Нашли подходящий чердак? – интересовался «князь».

– Не чердак; там рядом со входом на верфи два дома многоэтажных, в них работяги живут, вот в одном из них на четвёртом этаже сняли комнатку. Люд там простой, часто комнаты снимают подёшники, так что брат Аполлинарий никого там не удивит, если, конечно, оденется соответственно и не будет сверкать своими белоснежными манжетами и манишкой.

– До проходных недалеко? – спросил брат Вадим. Как человек технически грамотный, он собирался работать с Квашниным.

– Метров двести. Не больше, – по памяти прикинул брат Тимофей.

– Двести метров? – Варганов и Квашнин переглянулись. И Варганов сказал: – Многовато.

– Многовато, – подтвердил Квашнин.

– Проблемы? – поинтересовался брат Ярослав.

– Мы купили стандартный «Фогтландер» с объективом Пецваля, у этого объектива фокус не более пятидесяти метров.

– Нужна новая камера? – спрашивает великосхимный.

– Новый объектив, – отвечал ему Квашнин. – Сейчас «Цейс» делает отличные объективы с фокусом на двести и на триста метров.

– К завтрашнему дню всё должно быть готово, – продолжал «князь», – напоминаю, братия, у нас очень мало времени.

– Тогда нужно поторопиться и с лабораторией для проявления негативов, – напомнил брат Вадим.

– Я уже присмотрел один склад, – сразу произнёс брат Тимофей, – давно присмотрел, там очень тихое место, завтра же выясню, свободен ли тот склад ещё.

– В лаборатории должно быть темно, – напомнил брат Вадим.

– Будет, будет, – кивал Елецкий.

– Ну а у вас что? – теперь брат Ярослав обратился к Павлову и Тютину.

На левом его запястье толстая золотая цепь, пять раз обёрнутая вокруг руки. И на ней, по последней моде, болтается тяжёлый хрустальный флакон с духами, величиной с небольшое яблоко. Тютин смотрит на «князя» внимательно. Бывшего военного немного удивлял тон великосхимного. Не монашеский у него тон. Не смиренный и не братский. Ведёт себя брат Ярослав... Нет, не надменно, а скорее снисходительно. Он напоминал казаку родовитого генерала, который на военном совете говорит со своими офицерами хоть и милостиво, но без интереса, не вникая, рассеянно, будто мнение их его и не очень-то интересует, так как мыслями он уже на обеде или, к примеру, на ужине и на балу у городского головы или предводителя местного дворянства.

«Неужто он и вправду княжеского рода?!», – недоумевает Тютин, глядя, как лениво поигрывает хрустальным флаконом на своём запястье его великосхимный начальник.

– Ну, у нас-то что...? – отвечал «князю» брат Валерий, пожимая плечами. – Вчера прошвырнулись по местам злачным: походили, поглядели – англичане, как обычно, ошиваются в самых поганных кабаках, в «Медузе» было четверо матросов с линкора. Команда будет – сразу и возьмём одного.

– Нужно будет брать не рядового... Лучше брать какого-нибудь унтера, – размышлял «князь».

– Значит, возьмём унтера, – заверил его брат Валерий.

– Только лучше сказать нам заранее: они в одиннадцать уходят из кабаков, хоть пьяны в дым, – заметил брат Емельян.

– Это да, – вспомнил брат Валерий. – Видно, отпускают их до двенадцати.

– Брат Тимофей, – великосхимный взглянул на резидента, – как снимешь склад, не забудь подготовить помещение и для... пленного тоже.

– Там хватит места для всего, – заверил «князя» Елецкий. – И для пленного и для лаборатории.

Признаться, Елецкий немного, самую малость, обижался на брата Ярослава. Всё-таки и сам брат Тимофей не был здесь человеком случайным. На должность резидента святые отцы кого угодно не назначают, тем не менее великосхимный никак его среди других братьев не выделял. Нет, брат Тимофей искал не благоволия старшего опричника, не расположения и отдельного какого-то статуса; Елецкий рассчитывал, что «князь» хотя бы поделится с ним своими планами. Но ничего подобного не происходило, и брат Ярослав никогда не отзывал его в сто-

рону на приватный разговор. И, может, поэтому гамбургский резидент, чтобы хоть как-то прояснить планы руководства, произнёс:

– Может быть, будут ещё какие-нибудь указания?

– Указания? – переспросил всё в той же барской, чуть ленивой манере великосхимный.

– Ну, может, пожелания какие будут? – уточнил брат Тимофей.

– Да нет у меня особых пожеланий, – продолжал «князь». – Вернее, есть одно, так я его уже оглашал неоднократно. Но ежели желаете, братия, то я его вам повторю: времени у нас мало, други мои, так что надобно нам не мешкать.

И тут резидента неожиданно поддержал казак; он чуть вкрадчиво, чтобы, не дай Бог, не прозвучать вызывающе, спросил:

– Брат великосхимный, дозволь спросить?

– Конечно, брат Емельян, спрашивай, коли интересно, – милостиво разрешил руководитель.

– Вот мне интересно, к чему вся наша суета – к делу, не к делу? Непонятно. Какой у нас план? Может, хоть малость просветите нас, а то бродим впотьмах да в догадках.

– План? – теперь брат Ярослав перестал поигрывать флаконом для духов. Он уставился на казака своими большими, чуть навывкате, серыми глазами и ответил со вздохом: – А хорошо было бы, если бы был у меня план, – он чуть помолчал и добавил: – Вот только никакого плана у меня нет.

– Нету? – удивился брат Емельян. После чего оглядел всех остальных присутствовавших на предмет: вы что-нибудь понимаете?

А брат Ярослав тем временем смиренно продолжал:

– Всё, что мы сейчас делаем... Так это..., – «князь» опять вздохнул, – как говорит мой знакомый лекарь – согласно предписанным процедурам.

– Процедурам? – задумчиво и удивлённо повторил за ним Тютин.

– А что же ты, брат, думал? – вступился за «князя» брат Валерий. – Приедет великосхимный и одним мановением длани свершит чудо, что будет не хуже чудес Николая Чудотворца?

– Ну так мало ли..., – разводил руками казак. – Всё-таки сам брат Ярослав.

И тут снова заговорил брат Ярослав:

– Ваша вера в меня, братии, большую мне силу даёт, но и вы уж не плошайте. Так что... Работаем, братья. Работаем, но и молиться не забываем. А тот, кто работает и про Бога помнит, тому Господь обязательно путь укажет.

Тут уж с великосхимным никто спорить не стал.

***

И всё-таки она была беспокойна. Эта затея Генриха казалась ей очень опасной. Дева даже спала плохо, а как встала и умылась, решила подготовиться к неожиданному отходу. Пересчитала все оставшиеся у неё деньги. Их было не так уж и мало, но и не столько, чтобы можно было ни о чём не волноваться. Зоя поделила деньги и всё, что у неё было, на две равные части. Потом взяла один комплект одежды: платье, бельё... То, что похуже, туго скатав в рулон, уложила в саквояж. Также уложила всё, что ей не могло пригодиться сейчас. Очень жаль, что у неё не было лишнего оружия. А ещё девушку волновало отсутствие новых документов. Паспорт на имя Гертруды Шнитке был единственным её удостоверением. Это могло осложнить отход. Билетами на дирижабли, гостиницами и всем подобным без паспорта обзавестись было сложно. Впрочем, она знала, как в случае надобности обойтись и без удостоверения личности, но это заметно осложняло и удорожало существование. Девушка собралась и, прихватив саквояж и зонт, выбежала из дома, с удовольствием отметив, что господина домоуправляющего нет поблизости. Она быстро пошла в сторону кладбища.

Дева прихватила с собой небольшой совочек, что лежал при входе на кладбище для того, чтобы родственники могли подровнять могилы усопших. Отойдя от входа и пройдя немного

по тихой дорожке, она оказалась одна среди могил. Огляделась, сразу прошла к ограде кладбища и весьма умелыми и быстрыми движениями тут же выкопала яму в мягкой и влажной земле. Уложила туда саквояж. Закопала его и, поглядев по сторонам на могилки и на ограду, запомнила место, чтобы найти его даже ночью, и после, отряхнув руки, встала и огляделась: убедилась, что её никто не видел. Закончив с этим, дева прошла к северному выходу и покинула кладбище.

Теперь, когда задуманное было выполнено, Зоя быстро пошла по улице. Ей нужно было торопиться, ведь, скорее всего, её на одном телеграфе уже ждала телеграмма от Генриха.

Да, телеграмма уже её дожидалась.

«У меня всё готово, жду вас у церкви». Это было условленное место, где они должны были встретиться. Зоя прочитала сообщение и дала ответ:

«Уже вышла, через час буду».

А Генрих вырядился, словно на свадьбу; он ждал её в кафе «Гортензия», что находилось в тридцати шагах от церкви святого Михаила, колокольню которой украшали большие часы. Зоя подошла и подождала, пока он не встанет и не отодвинет ей стул, потом села и только после этого поздоровалась. Но, даже поздоровавшись с ним, вуаль с лица не убрала. Зоя всё ещё была против этой опасной затеи. И, признаться, Ройке её немножко раздражал своим очевидным нетерпением и желанием поскорее приступить к операции.

– Вы взяли у отца экипаж? – почти по-учительски строго спросила она, когда официант, принесший ей кофе, ушёл.

– Взял, взял, – отвечал Генрих. – Сказал, что не успел проверить его ночью. Но в три часа его нужно будет вернуть.

Дева помолчала, отпивая кофе, а потом спросила:

– Вы всё помните, что я вам сказала?

– Да, помню, – кивал он. – Экипаж я оставляю в двух сотнях шагов от дворца на набережной, к зданию подхожу пешком, иду не к забору, а сразу поднимаюсь к парадному входу. Я вот только не понял, почему нужно идти к парадному?

– Калитку чёрного входа вам могут вообще не открыть, – отвечала Зоя, – а главную дверь, если будете настойчивы, откроют обязательно – хотя бы для того, чтобы прогнать. Да и подозрений у слуг будет меньше, сразу поймут, что вы болван.

– Болван? – спросил молодой человек и улыбнулся.

– Конечно; ну а кто ещё? Какой рекламный агент, разносчик ваксы будет ломиться в господский вход? Только законченный болван, – она снова сделала глоток кофе и спросила: – Деньги приготовили?

Он тут же запустил пальцы в жилетный карман для часов и достал оттуда три серебряные монеты:

– Вот.

– Будьте понаглее.

– Понаглее?

– Да, – дева хотела развить свою мысль, но неожиданно поняла, что не знает, как по-немецки будет звучать прекрасное и ёмкое русское слово «холуй», поэтому заменила его на более нейтральное слово «лакей», – английские лакеи – существа очень высокомерные, они всех, кто не является их почитаемыми господами, держат за людей второго сорта. Так что не церемоньтесь с ними. Уважения англичане низших классов не понимают.

Генрих посмотрел на неё внимательно, так, словно хотел проникнуть взглядом под вуаль, а потом спросил:

– Откуда вы всё это знаете, фройляйн Гертруда? Вы же, кажется, не жили в Англии? И вообще, вы очень осведомлены обо всём таком, странном... О котором простые люди и понятия иметь не могут. А вам всё известно, хоть вы молодая девушка.

– Генрих, – она сделала паузу. И наконец откинула вуаль, чтобы он мог видеть её рассерженные глаза. – Вот именно сейчас вам нужно думать совсем не об этом!

Глава 10

Итак, он развернул электроэкипаж, позаимствованный в фирме отца, за три квартала от дворца Холодной ведьмы и высадил деву около дорогого ресторана, который ещё не работал. И несмотря на то, что Зою готовили, несколько лет учили выдержке и объясняли, как в любой ситуации сохранять хладнокровие, она всё-таки не сдержалась и перед тем, как выпорхнуть из коляски, откинула вуаль, быстро обвила руками его шею и поцеловала в губы. Коротко, но по-настоящему жарко.

– Это ещё один аванс? – улыбался Генрих с видом чуть ошарашенным, когда она выпустила его из объятий и снова опустила вуаль.

На это Зоя ничего не ответила. А просто необыкновенно легко, как птица, выпорхнула из экипажа. Отвечать на этот глупый вопрос она не сочла нужным, а говорить о деле больше не было смысла, они разговаривали о нём последние два дня без остановки. Всё, что можно было сказать молодому человеку, девушка, по существу, высказала ему уже несколько раз. А значит, говорить больше было не о чем. Она не спеша пошла по улице, раскрывая зонт от солнца.

– Фройляйн Гертруда, не волнуйтесь, я скоро вернусь, – весело пообещал он ей вслед, вылезая из экипажа за нею и вытаскивая с сиденья водителя большой лоток с разноцветными баночками.

Но девушка даже не обернулась. Теперь она была сосредоточена: пистолет заряжен, кинжальчик в рукаве платья, зонт с отравленным стилетом при ней. Девушка оглядывала людей, идущих ей навстречу, быстро, но верно оценивая их опасность. Посыльный из дорогостоящего отеля почти бежит по улице. Строгая дама с мальчиком выговаривает ему что-то по-французски – скорее всего, гувернантка. Возница привёз продукты в ресторан. Зоя остановилась и сделала вид, что рассматривает афишу модного варьете, сама же скосила глаза в сторону идущего за ней господина Ройке, который уже напялил красный картуз с буквами «Н» и «Г» на кокарде, обозначавшими «Ноенга и Гукка», и с лотком на плече скорым шагом шёл вслед за нею.

Он прошёл, а она так и осталась стоять около тумбы для объявлений. Даже не взглянула на него, когда он проходил мимо. Это была не блажь с её стороны, и присутствовала тут она вовсе не по просьбе Генриха, он-то как раз просил её не ехать с ним. Она поехала потому, что дословно помнила устав, а там было сказано, что агент не должен идти на опасную операцию в одиночку. Агенту всегда должен быть обеспечен отход в случае провала или каких-то неожиданностей. А уж какая операция могла быть опаснее, чем визит в логово главной британской ведьмы в Гамбурге? Посему Зоя и не смогла отпустить Генриха одного. Ну и ещё... Она, конечно же, волновалась за этого молодого человека. Может быть, даже волновалась чуть больше, чем положено по уставу.

Дева перешла улицу и пошла вдоль набережной, пошла не спеша, словно прогуливалась. А тем временем Генрих, ничуть не тушуясь, а может быть, даже и бравируя своей уверенностью, подошёл к дому и увидел, как двери парадного распахнулись и услужливый лакей, кланяясь, выпустил из дома даму средних лет в сдержанном голубом платье и большой шляпе; дама, придерживая на локте небольшой ридикюль, стала спускаться навстречу Генриху. И он, когда она приблизилась, с улыбкой учтивости приподнял свой картуз в знак приветствия. Дама же и не подумала ему отвечать, она просто взглянула на него пристальным, ледяным и в то же время обжигающим взглядом: это ещё что здесь такое? И, видимо, не найдя в нём ничего интересного, прошла к коляске, дверцу которой ей уже услужливо отворил её водитель.

Но Генриха эта холодность и высокомерие ничуть не смутили, он был полон энергии и желания сделать то, за что прекрасная фройляйн Гертруда выразит ему признательность. Честно говоря, он только об этом и думал, и посему через ступеньку взлетел к парадной двери дворца и там, поправив слегка свой фирменный картуз, нажал кнопку звонка.

Ему пришлось подождать, прежде чем одна из двух тяжёлых створок красивых дверей медленно отворилась и на пороге возник лакей в белоснежных перчатках, рубаше и жилете из синего бархата. Это был высокий и сильный человек с тяжёлым подбородком и нехорошим взглядом.

Лакей сразу определил статус Генриха; уж в этом всяческая прислуга, особенно та, что служит самым высокородным господам, разбирается как никто другой. Одного взгляда было ему достаточно, чтобы понять, что перед ним не господин, и выбрать соответственный тон, с которым он обратился к пришедшему. Поэтому лакей был высокомерен и почти груб.

– Что тебе нужно? – спросил он на английском языке, надеясь, что после этого разговор с этим местным и закончится. – Тебе, что, не ясно, что для разносчиков и посыльных вход слева от парадного? Там у решётки кнопка. Звони.

Он уже хотел закрыть дверь, но с удивлением обнаружил, что молодой человек придержал её и сказал, хоть и с акцентом, но весьма бегло:

– Простите мою смелость, сэр, я представляю компанию «Ноенг и Гукк», лучшие в мире ваксы и гуталины. Не могли бы вы свести меня с тем, кто занимается господской обувью? У меня есть что ему предложить.

Лакей не стал бы слушать этого болтуна и захлопнул бы дверь, «Лучшая в мире вакса... Господская обувь...». Чушь, которая этого человека лично никак не касалась, не вытаски этот ловкий местный из кармана и не поднеси к его носу новенькую и такую соблазнительную серебряную монету.

– Сэр, у меня есть ещё две таких же; если вы поможете мне и сведёте с нужным человеком, они будут ваши, – радостно сообщил представитель компании «Ноенг и Гукк».

Такое развитие событий, конечно же, меняло дело.

– Слева отсюда в заборе – калитка, иди туда, я тебе открою, – произнёс лакей, забирая у горожанина монету.

И Генрих улыбнулся, когда перед ним затворилась красивая и тяжёлая дверь: всё пока шло по плану.

Через пару минут лакей уже впустил его в прихожую для «простых» и забрал у него причитавшие два шиллинга, а после сказал:

– Жди здесь; человек, который занимается обувью господ, придёт к тебе, но не думаю, что это произойдёт скоро.

Он ушёл, оставив Ройке с одним молодым лакеем, что приглядывал за дверью для простых. И молодой человек собрался терпеливо ждать. Признаться, подождать ему пришлось. Он даже стал немного волноваться, но волновался он не за себя, поводом для переживаний была для него мысль, что фройляйн Гертруда будет тревожиться из-за его долгого отсутствия. За себя Генрих был спокоен.

Старик, наверное, был занят, а может, лакей, взявший деньги, не поторопился ему сообщать о посетителе; в общем, господину Ройке пришлось прождать больше получаса, пока в прихожей для посетителей не появился высокий старик с седыми бакенбардами. Генрих сначала не понял, что это тот, кто ему был нужен, так как, в отличие от остальных слуг, этот человек был в дорогом фраке. К тому же он был очень важен. Даже более, чем остальные лакеи в этом доме. Но именно он подошёл к молодому человеку и спросил, глядя на него весьма холодно:

– Чем могу служить?

– Я представляю компанию «Ноенг и Гукк», мы торгуем ваксами и гуталинами, а также жирами для обуви и вазелинами, – начал Генрих. Он полагал, что это какой-то важный человек и решил пояснить ему: – Сэр... Я хотел бы поговорить с человеком, который занимается обувью господ.

– Я занимаюсь обувью господ, – с необыкновенным достоинством отвечал пожилой господин.

– О, прекрасно, – Генрих чуть растерявшись, тут же взял себя в руки. – Сэр, разрешите представить вам продукцию нашей компании, – при этом он достаточно ловко убрал крышку с лотка, на котором был выложен весь ассортимент гуталиновой кампании. – Наша продукция лучшая на континенте, – продолжал молодой человек, а сам косился на ещё одного человека в помещении, слугу, что был привратником. Он мог слышать их разговор краем уха. Генриху нужно было отвести старика куда-то... к окну, например, чтобы поговорить с ним без лишних «ушей». – Может быть, вы взглянете..., – он обернулся на окно. – Вот там нам будет удобно. Там достаточно света.

Но старик заупрямился:

– Я пользуюсь исключительно британскими средствами, так как не нашёл среди континентальных компаний надлежащего качества.

И тут Генриху пришлось включить всё своё умение просить, он почти жалобно произнёс:

– Сэр, я прошу вас только взглянуть.

Важный старик во фраке посмотрел на него чуть раздражённо: какого дьявола вы не угомонитесь? Но всё-таки сделал этому назойливому немцу одолжение, согласился и пошёл к окну.

И как только они оказались вдали от лишних ушей, молодой человек, подняв лоток повыше, негромко произнёс:

– Извините, сэр, вас, кажется, зовут Джеймс?

Важный старик даже не взглянул в его сторону, он разглядывал баночки с ваксами и так внимательно, словно был всерьёз заинтересован в покупке. Но при этом он всё-таки снизошёл до ответа:

– Да, это моё имя.

«Старик, занимается обувью, зовут Джеймс!». Всё сходилось, и господин Ройке решил начать:

– Сэр, одна юная леди просила меня выразить вам свою благодарность за её спасение.

И ничего не произошло после этих слов молодого человека. Джеймс даже не повернул к нему своего лица, он продолжал рассматривать ваксы, он даже взял одну баночку с бесцветным водоотталкивающим кремом и стал, щурясь и чуть отнеся её от глаз подальше, читать надписи. Генрих даже поначалу подумал, что этот человек его просто не услышал, и решил повторить сказанное:

– Одна юная леди благодарит вас за помощь, за спасение, и хочет выразить вам свою благодарность при встрече.

Но Джеймс и в этот раз ничего не сказал ему в ответ, он лишь положил на место осмотренный им крем и взял с лотка ещё один.

То был коричневый с воском.

Конечно, такое поведение не удовлетворило молодого человека, но сдаваться он не собирался:

– Та юная леди, что прислала меня прийти сюда, хотела передать вам, что желает с вами встретиться, и, если вы сочтёте это возможным, о своём согласии вы сможете сообщить на телеграф номер сто, сообщением на имя Смита.

Но и на этот раз старик ничего ему по сути не сказал, а лишь произнёс, задумчиво глядя на баночку с ваксой:

– Пожалуй, я попробую вот эту. Кажется, она подойдёт по тону новым штиблетам господина.

При этом Джеймс достал из жилета одну монету и протянул её Генриху; тот, даже не взглянув на деньги, убрал их в карман и повторил:

– Она будет ждать от вас телеграммы на сотом телеграфе, на имя Смита.

И опять старик ему ничего не ответил; он лишь взглянул в сторону привратника, сидевшего у входной двери, и крикнул:

– Уолли! Проводи этого джентльмена.

– Да, сэр! – сразу вскочил тот.

– И больше не пускай его сюда, – закончил Джеймс и всё с тем же важным видом пошёл из прихожей.

– Мистер, – не очень-то вежливо позвал Генриха молодой привратник, – давайте-ка на выход.

Генрих только поднял свой фирменный картуз в знак признательности, хотя Джеймс, естественно, этого видеть и не мог, а потом, увлекаемый привратником, пошёл к выходу. Шёл и думал:

«Вот и как всё это прикажете понимать? Понял ли старик, о ком я ему толковал, запомнил ли сказанное?». Нет, ничего молодому человеку ясно не было. И уж точно он не знал, что по поводу этой встречи рассказать фройляйн Гертруде.

Он вышел из дома, и Уолли проводил его до самой калитки в красивой кованой ограде дворца.

Оказавшись на улице, Генрих снял картуз и быстро пошёл к своему экипажу, держа под мышкой лоток с образцами.

«Вот и что я скажу Гертруде? – думал он. – То, что он купил у меня один образец?».

Больше ему говорить было особо нечего. А ещё он всё время искал её глазами, но не находил. Так он добрался до экипажа, и когда уже закинул образцы и картуз на сиденье водителя, увидел её. Она словно из-под земли появилась.

– Фройляйн! – удивился Генрих. – Но как вы тут оказались?

Он машинально открыл ей дверцу экипажа и протянул руку, чтобы помочь сесть. И она, садясь в экипаж, не ответила ему на вопрос, а задала свой:

– Кажется, у двери дворца вы встретилась с какой-то дамой; она ничего вам не сказала?

– С дамой? – молодой человек не сразу вспомнил ту встречу. Он захлопнул за девушкой дверцу и произнёс: – А, с той неприятной женщиной... Нет, она мне ничего не сказала. Я с нею поздоровался, но она лишь зло взглянула на меня. И пошла дальше.

– Ясно, – ответила Зоя.

– Но я не могу понять, получилось ли у меня выполнить вашу просьбу. Этот Джеймс, он так мне ничего толком и не ответил. Я не уверен, что он вообще понял меня, – сразу признался Ройке. – Так что..., – он вздохнул, садясь на водительское сидение. – Я не поручусь, что дело вышло успешным.

– Генрих, то, что вы вышли оттуда и за вами следом не вышел «хвост», – это уже можно считать большим вашим успехом, – отвечала ему девушка.

– Хвост? – усмехнулся молодой человек, включая питание своего электрического экипажа. – А «хвостом» вы называете наблюдателя, который должен следить?

– Генрих, прошу вас... Поехали отсюда уже, – ответила ему Зоя, явно желая убраться с набережной побыстрее. Она, сидя в экипаже, продолжала оглядываться по сторонам, внимательно вглядываясь из-под своей вуали в каждого прохожего; было видно, что дева всё ещё настороже. – Я потом вам всё объясню.

Глава 11

Дева чуть успокоилась, она по-настоящему была рада, что всё так закончилось, что Генрих сидит теперь перед нею на водительском диване, а не в клетке, в страшном, грязном зале, заваленном полуживыми, растерзанными телами. Он вертит головой и беспечно болтает. Беспечно... Это потому, что молодой человек так и не понял, где он побывал и что ему угрожало.

Ну и хорошо, так даже и лучше. А Ройке, довольный собой, оборачивался к ней при всяком удобном случае, а потом сообщал:

– Сегодня же схожу на сотый телеграф.

«Сегодня же? Куда он так спешит? Что ему неймётся?».

– Думаю, это слишком рано, – отвечала Зоя почти холодно. И причина этой холодности была очевидна. Во-первых, и вправду было рано ожидать каких-то результатов, вряд ли Джеймс кинется прямо сегодня слать сообщения некоему Смиуту, а во-вторых... Этот радостный вид Генриха немного её раздражал.

А он снова обернулся и сказал с улыбочкой:

– Но мне же не сложно, могу к вечеру съездить туда; если сообщение от старика будет, я дам вам телеграмму.

Но вместо того, чтобы согласиться или запретить ему это, она вдруг спросила:

– А почему вы так улыбаетесь?

– Как так? – удивился он, снова оборачиваясь к девушке.

– Как-то..., – она не нашла в немецком значения, которое могло ёмко воспроизвести русское слово «ехидно», и поэтому произнесла: – Злорадно.

– Злорадно? – опять удивлялся Ройке. Он снова обернулся к ней. И эти его обороты стали уже опасны.

– Смотрите, пожалуйста, на дорогу! – всё с той же строгостью произнесла дева. – Вы чуть не сбили газетчика.

– Я и не собирался злорадствовать! – уже не оборачиваясь к ней, почти прокричал Генрих. – Просто я рад, что смог добраться до старика, – он немного помолчал и добавил: – Я думал, что и вы будете этому рады.

– Я рада, – сухо произнесла Зоя. Она сама не могла понять, отчего злится на него. И, уже смягчив тон, добавила: – Но на телеграф сегодня не ходите. Это опасно. Завтра сходим вместе.

– Хорошо, фройляйн, – согласился молодой человек. И, кажется, девушке в этом его ответе послышалось некоторое разочарование. Ей стало его немного жалко, и поэтому на ближайшем повороте, прежде чем выпорхнуть из экипажа, она подняла вуаль и наградила его коротким, потому что вокруг были люди, но жарким поцелуем.

***

– Какого чёрта!? – произнёс брат Вадим с досадой. – Они все в партикулярном платье! Англичане, что, мундиры теперь совсем не надевают?

Вооружившись отличным биноклем, он сидел у окна, заклеенного пожелтевшей газетой, и через дырки в листах смотрел на улицу. Разглядывал всяких выходящих из проходной верфей людей, сразу отделяя рабочих и матросов от господ.

– Это недавно они переоделись. Раньше ходили в мундирах и фуражках. Все были при кортиках, – заметил ему брат Аполлинарий. Он находился у соседнего окна, тоже заклеенного газетой, и что-то делал с фотокамерой на ножках, кажется, отлаживал длинный и сложный бронзовый объектив. – Видно, новое распоряжение в целях безопасности.

– Скорее всего, ведьмы приказали, – предположил Варганов.

– Ну а кто же ещё? – соглашался с ним инженер. – Сами моряки до такого не додумались бы. Они тут пьют, по притонам таскаются, с дисциплиной на берегу у них было... не очень...

– И как теперь отличать их от местных инженеров? Наверное, придётся фотографировать всех, кто не похож на рабочего или матроса.

– Ну, значит, будем фотографировать всех, – резюмировал Квашнин, взглянув на высокую стопку новых фотографических пластин, сложенных у стены вдали от излишнего света.

– О, – продолжал Варганов, глядя в бинокль, – у них, кажется, разные перчатки.

– Что? – не понял инженер.

– Бриташки... У них мания к белым перчаткам, все английские офицеры носят белые перчатки, даже унтеры – и те рядятся в белое; а как я понял, – брат Вадим сделал паузу, – точно... немецкие инженеры носят перчатки какие-то... цвета... кофе с молоком.

– Да, – Квашнин поднял глаза от камеры и потянулся, разминая спину. – Французы называют этот цвет «беж». Здесь, в Гамбурге, перчатки этого цвета сейчас самые модные.

– Беж. Конечно же, беж, – задумчиво продолжал Варганов, не отрывая бинокля от глаз. И спросил: – Ну что, камера готова?

– Да, можно пробовать. – ответил ему инженер. – Всё готово.

– Брат Аполлинарий, ты научи меня работать с этим объективом, – Варганов отложил бинокль. – С камерой я в принципе знаком. Как вставлять пластины и выдерживать, всё знаю.

– Ну, тогда и проблем не будет, иди сюда, брат.

Брат Вадим подошёл и наклонился к видеоискателю – и тут же восхитился:

– Ишь, ты! Вот это оптика.

– Да уж, Цейс в этом деле силён, – согласился брат Аполлинарий.

– Всё как на ладони. Все усы видно вон у того господина.

Он говорил о важном господине, который вышел из ворот проходной и к которому тут же подкатил конный экипаж.

– Ну что? Попробуем? – спросил Квашнин, беря в руки первую фотопластину и снимая с неё обёртку.

– Давай, брат, начнём, – согласился с ним Варганов, не отрывая глаза от видеоискателя камеры.

Инженер вставил пластину в камеру и, оставив её на попечение товарища, сам проследовал к первому окну и взял бинокль. Посмотрел, как важный господин с усами и в бежевых перчатках, усевшись поудобнее в коляске, что-то говорит другому человеку.

– Снимай, брат, этого в экипаже, – произнёс Квашнин, глядя через бинокль на происходящее.

– Так это сто процентов немец, на кой он нам сдался? – сомневался брат Вадим. – Только потратим фотопластину.

– На пробу, на пробу сделаем один снимок. Попробуем... Поглядим, какое при этом свете получится фото, да ещё и с этим новым объективом, – отвечал ему брат Аполлинарий.

Честно говоря, инженер, как и положено всякому человеку, знакомому с техникой, ко всем остальным людям относился насторожённо и даже со скепсисом. И поэтому, говоря товарищу про свет и про объектив, он, скорее всего, хотел проверить, как брат Вадим сделает снимок. А тот не стал пререкаться и запустил процесс.

***

Доктор Мюррей просил принять его, и герцогиня, понимая, что он пришёл по делу, не стала заставлять его ждать, а попросила у Камелии Анны Уилсен Фоули и Дженнет Рэндольф Черчилль, с которыми она пила кофе в гостиной, извинения и прошла в соседнюю от столовой залу, где и ждали её Мюррей, его мерзкий Сунак и ещё один из безымянных, но не менее мерзких прислужников доктора.

– Если вы позволите, герцогиня, я могу сделать вам несколько инъекций, всё уже готово, – он указал на целый поднос шприцев, заполненных какими-то жидкостями, что лежали на передвижном столике из блестящей стали.

– У меня гости, – отвечала леди Кавендиш с некоторым сомнением. Она, конечно, с нетерпением ждала операции, но оставить малознакомых дам наедине на целых полчаса было невежливо. А времени на инъекции ушло бы никак не меньше, так как ей пришлось бы здесь раздеваться для этой долгой процедуры. – Может, попозже?

– Миледи, если я сделаю инъекции сегодня, сейчас, завтра утром я уже смогу снять с вас мерки, а значит, приступить к подготовке донорского материала. Мне, признаться, надоел вой

этой кобылы. К тому же она ничего не ест и время от времени начинает биться в клетке, ей приходится вводить успокоительное, я всё время боюсь, что она испортит материал. Мне бы хотелось снять с неё кожу побыстрее.

– Ну хорошо, – согласилась герцогиня, – будьте тут, через полчаса я освобожусь и приду. Доктор молча кивнул: как прикажете.

А леди Джорджиана, вернувшись к своим подчинённым в гостиную, по их лицам поняла, что ничего особо страшного в её отсутствие не произошло, дамы весьма мирно беседовали; как оказалось, они соседки, у них у обеих имеются поместья возле Брайтона. Но это миролюбие оказалось недолгим; едва хозяйка дома появилась в салоне, леди Анна, чей предок был одним из тех, кто заставил Иоанна Безземельного в тысяча двести пятнадцатом году подписать великую хартию вольностей, сделавшую английскую знать неподсудной ни при каких обстоятельствах, задала леди Рэндольф очень нехороший вопрос, который был к тому же бестактен, если не груб, как, например, вопрос про бородавку на лице какой-то дамы, с которой вы не очень близки:

– Дженнет, дорогая, я слышала, что вы из Америки?

– Да, родом я из Америки, – отвечала та, насторожившись. Она сразу поставила чашку на стол. Кофе ей больше не хотелось. От расслабленного состояния у неё и следа не осталось. Этот, казалось бы, невинный вопрос как бы намекал ей: и что же вы здесь с нами за одним столом делаете, дорогуша? При этом леди Анна ещё и улыбалась со всей обворожительностью настоящей красавицы. Леди Рэндольф была немного ошеломлена: вот только что они обсуждали свои поместья на берегу канала – и вдруг такой вопрос. Леди Дженнет поджала губы, и это выражение лица женщины ещё больше подчеркнули тяжёлый подбородок, который был присущ всем членам её семейства.

А на скрытый, не прозвучавший вслух вопрос леди Анны решила ответить начальница дам:

– Да, леди Дженнет из Америки, но мы рады видеть её среди нас, нам нужны дамы с талантами её уровня, откуда бы родом они ни были. Вы согласны со мной, леди Фоули?

– О да, конечно. Конечно, – теперь Камелия Анна Уилсен Фоули улыбалась самой герцогине. Улыбалась обезоруживающе. Но... древность рода Уилсен Фоули могла потягаться в древности с именем герцогини, урождённой Спенсер, и, наверное, поэтому Камелия Анна Уилсен Фоули продолжила задавать вопросы, которые в данной ситуации становились всё более и более бестактными. – А родители ваши кто?

– Мой батюшка – сэр Джером. Он финансист.

– О! Сэр Джером? – уточнила леди Анна, делая ударение именно на слове «сэр».

– Да, сэр Джером, – твёрдо произнесла американка.

Герцогиня решила прервать их эту беседу, но не успела, леди Фоули смогла опередить её, задав следующий вопрос:

– Говорят, Америка очень красивая страна. Я там, к сожалению, никогда не бывала.

– О да..., – сразу ответила ей леди Рэндольф. – Но в США, помимо прекрасной природы, проживают ещё и очень хорошие люди. Очень храбрые и необыкновенно свободолюбивые.

«Храбрые и свободолюбивые». Да, это был тонкий намёк американки двум англичанкам, что сидели перед нею. И те сразу поняли, что эта американская выскочка намекает им на знаменитый чайный инцидент, произошедший в Бостоне почти сто лет назад. Теперь леди Рэндольф тоже улыбалась, хоть и не так лучезарно, как её собеседница. Улыбалась и продолжала: – Уверена, мисс Фоули, американцы вам понравятся.

Улыбка леди Анны чуть поблекла, англичанка уже собиралась что-то сказать американке, но герцогиня встала, чтобы не дать этой тлеющей неприязни возгореться, и произнесла:

– Дамы, прошу извинить меня, но, к сожалению, у меня появились неотложные дела.

Леди Дженнет и леди Анна сразу поднялись со своих мест, почти синхронно сделали перед начальницей книксен и засобирались. А герцогиня произнесла:

- Леди Фоули.
- Да, герцогиня, – красавица остановилась.
- Прошу вас, задержитесь на секунду.
- Конечно, герцогиня.

Они обе весьма вежливо и добродушно попрощались с леди Рэндольф, и когда та покинула салон, леди Кавендиш произнесла, не скрывая раздражения:

– Дорогая моя, какая муха вас укусила? Я же просила вас быть более доброжелательной с нею.

– А мне кажется, я с нею была мила, – с фальшивым удивлением отвечала ей молодая подчинённая. – Впрочем, американка эта дурно воспитана.

Леди Кавендиш несколько секунд смотрела на неё пристально и разглядела в ауре леди Анны некий намёк на обиду – и вдруг всё поняла:

– Ах, ну конечно же... Её поместье под Брайтоном больше вашего, или слуг у неё там больше! Или ещё что-то подобное.

Леди Анна лишь вскинула подбородок в ответ. И герцогиня махнула на неё рукой: идите уже.

А леди Рэндольф уже покинула дворец и едва не бежала по ступеням к своему экипажу; она была в бешенстве, её лицо горело, словно её били по щекам. Она не могла понять, почему эта милая на первый взгляд англичанка стала так себя вести, как с цепи сорвалась. Ни с того ни с сего, а ведь так приятно общались, нашли прекрасные темы для светского разговора...

«Нет, с этими гадинами невозможно договориться. Они как змеи. Лежат, свернувшись в калачик, словно пригрелись на солнце, и вдруг без всякого предупреждения совершают бросок. И вот уже их яд отравляет тебя, растекаясь по венам. Эта родовитая сволочь не понимает языка миролюбия. Только бостонский способ общения с британской знатью может дать результаты. Или...», – леди Дженнет подумала, что лишь успех в деле поможет ей укорениться среди этих гарпий, которые до сих пор не принимали её просто органически. Успех и продвижение по службе. И поэтому американке был нужен удачный акт, который мог привести к благодарности руководства или даже к повышению по службе. – И уж тогда никакая мерзкая леди Фоули не осмелится спрашивать у меня про моих родителей».

Дама уселась на пассажирский диван и, прежде чем водитель закрыл за нею дверь, сказала ему:

- Мне нужно к Дойлу. Немедленно.

Глава 12

Пока не ушло солнце, Варганов и Квашнин делали фото выходивших из ворот проходной людей. Естественно, матросов и рабочих они игнорировали. Это была самая простая задача, а вот с господами офицерами и местными инженерами было всё сложнее, и вариант с перчатками не был верным на сто процентов. В общем, опричники полагались на своё чутьё и на знание англичан, ну и немецкие инженеры всё-таки отличались от английских офицеров визуально. Хотя бы своей дородностью и иными пристрастиями в одежде.

– Вышел... Вот этот с усами, видишь? – спрашивал брат Вадим, поднеся бинокль к дыркам в газете.

– Бежевые перчатки, – отвечал ему брат Аполлинарий, глядя на вышедшего господина через видоискатель камеры. – Да и не носят британцы усов. У них не модно.

- Пропускаем?
- Пропускаем.

Варганов продолжал глядеть в бинокль, а инженер садился на стул рядом с камерой – ждал. Через каждый час они менялись, инженер брал бинокль и шёл к первому окну, а брат

Вадим садился к камере и доставал папироску, расслаблялся, так как всё время наблюдать, не теряя внимания, было сложно.

– Кажется, офицер! – сообщал инженер, глядя через газету.

Не выпуская папироски из зубов, Варганов вскакивал и занимал место у камеры.

– Вижу! А, точно, офицер.

– Худошав, выбрит, белые перчатки, неяркий галстук, – перечислял признаки британского морского офицера Квашнин.

– Понял, снимаю, – отвечал ему брат Вадим. И через несколько секунд, выбрав наиболее удачный свет и ракурс, делал снимок. – Готово.

– Ещё один! – тут же продолжал брат Аполлинарий.

– Не вижу, это какой? – быстро сменив пластину в фотокамере, Варганов снова прильнул к видоискателю.

– Ну вот, только что вышел из ворот. Вот, стоит прямо напротив нас, к нам лицом. Подзывает извозчика, – указывал инженер.

– Этот толстяк? – сомневался брат Вадим.

– Снимай-снимай! – настаивал инженер.

– В нём девять пудов веса, вряд ли он британец, – отвечал Варганов, тем не менее делая снимок. – И небрит он. Не похож на бриташку.

– Не похож... но... офицер, – заверил его Квашнин. И тут же ещё более уверенно продолжил. – Это офицер. У него штаны форменные, сюртук надел штатский, а штаны по форме, и башмаки тоже флотские.

– Всё понял, зафиксировал! – произнёс брат Вадим, вытаскивая фотопластину из камеры. – Шестнадцать.

Он уже пошёл к стене, чтобы взять из стопки следующую, новую пластину, но инженер сказал ему:

– Всё, сворачиваемся.

По его тону Варганов понял, что дело не в том, что солнце уходит за дом и дальнейшая съёмка не будет эффективной. Квашнин напрягся, и его брат-опричник сразу это почувствовал.

– Ведьма?

– Да, только что подкатила. Вылезла из коляски и стоит у проходной. Вынюхивает что-то.

– Знаешь её? – спросил брат Вадим, сам уже укладывая отснятые пластины в мешок, в котором свои вещи носят спортсмены.

– Нет, это не Холодная и не Американка, эта из новоприбывших. Её я не знаю, – отвечал ему брат Аполлинарий, не отрывая глаз от фигуры женщины.

– Дай-ка взгляну на неё, – Варганов быстро подошёл к окну и взял из рук инженера бинокль. Смотрел некоторое время на ведьму и потом сказал: – Нет, не видал такой.

– Надо уходить, – произнёс Квашнин.

– Уходим, – согласился с ним Варганов. Он сам взял мешок с отснятыми пластинами.

А инженер снял пиджак со спинки стула, чуть подумал и поставил свой любимый бинокль возле фотокамеры. Это оптическое приспособление могло броситься в глаза и запомниться кому-нибудь, кого они встретят по пути. После замечания великосхимного насчёт его трости Квашнин стал более острожен. Ведь дело было нешуточным. Англичане прислали новых ведьм, заставили команду линкора переодеться в штатское, они всерьёз занялись охраной корабля. Случай с похищенным подшиппником их насторожил, и если ведьмы лично стали приезжать к проходным вынюхивать тут что-то, значит, дело было очень и очень серьёзным. Так что бинокль пусть тут полежит. И Квашнин поспешил за своим товарищем, который уже почти спустился по лестнице и готов был выйти на улицу.

***

На очень приятной набережной Армгартштрассе находился неплохой отель под символическим названием «Англетер». Не удивительно, что гости с туманного Альбиона, находясь в гостеприимном Гамбурге, выбирали именно эту гостиницу. Так как ею владел истинный брит, то и порядки здесь были почти английские. В этой гостинице останавливались разные люди, но, по сути, это был неофициальный филиал британского консульства в Гамбурге, этаким английским клуб на чужбине, где собирались англичане, чтобы побыть как у себя дома, в Лондоне. Прислуга, холл, мебель, посуда – всё здесь было таким же, как и на острове. Только вот кухню владелец предпочитал континентальную; уж не в обиду островной будет сказано, но всё-таки в деле еды англичанам, кроме пудинга и «фиш энд чипс», похвастать было нечем, а ведь как ни крути, но «фиш энд чипс» особым изыском назвать было сложно. Да и в деле производства сыров, вин, пива и выпечки они вряд ли могли соревноваться с континентальными мастерами. И посему всей кухней в этом английском доме заправлял месье Жерар. Легендарный человек, о котором в Гамбурге говорили лишь в восхищённых тонах. А иногда и с придыханием. Он был знаменит своим искусством, особенно в деле приготовления соусов, и обеды в «Англетере» были в моде.

Обед уже давно закончился, а до ужина ещё было далеко... Джентльмены выпивали в холле виски, дамы – чай, а в ресторане почти половина столов была свободна и сервировалась к ужину. И именно в это время в обеденной зале, украшенной зеркалами, росписью и изящными электрическими бра, появился яркий человек. Британцы неодобрительно глядели на него. Вид его резал многим островитянам глаз, его безусловно дорогой, если не сказать роскошный, костюм, был вычурен, но едва удерживался от того, чтобы не скатиться в богатый кич. Алый галстук с изумрудной булавкой, флакон духов на толстой золотой цепи, висевший на левом запястье, кружевные манжеты, лиловый цилиндр и прочий варварский изыск сразу выдавали в нём человека с востока. Но не с того востока, где гордые бриты были хозяева, а с другого с востока, востока непокорного, который доставлял островитянам столько неприятностей.

Когда этот яркий человек шествовал через холл, многие джентльмены провожали его взглядами, причём мужские глаза сверлили его холодной неприязнью: русский, нет никаких сомнений! А вот во многих женских взглядах проглядывал скрытый интерес: интересно, кто это?

Но князь Бельский не обращал внимания ни на мужчин, ни на женщин; он, разглядев указатели, проследовал в ресторан, а там на пороге остановился, чтобы выбрать себе свободный столик. К нему тут же подбежал расторопный метрдотель и, сразу поняв, с кем имеет дело, заговорил на французском:

– Месье! Мы рады вас приветствовать в нашем заведении.

После этого он ещё и поклонился.

– Мне сказали, что здесь хороший повар, – также на хорошем французском отвечал ему князь, продолжая оглядывать обеденную залу.

– Лучший, месье! Лучший в Гамбурге!

– Да, да, – чуть рассеянно отвечал ему посетитель. – Именно так мне и говорили.

– Какой столик предпочтёте? Может быть, тот, у окна?

– Нет, не у окна, нынче жаркое солнце, – покачал головой посетитель.

– Тогда вот этот! – указал метрдотель на следующий хороший стол.

– Нет, – капризничал князь, – терпеть не могу сидеть боком ко входу.

– Тогда что вы предпочтёте?

– Пожалуй, вот тот стол! – князь почему-то выбрал не очень хороший стол, он был почти на проходе. Как раз мимо него официанты бегали на кухню. Но пожелание клиента...

– Как прикажете, – метрдотель едва не бегом кинулся к указанному столу и услужливо отодвинул стул.

– Нет, я сяду на этот стул, – снова не согласился с его выбором посетитель.

– Разумеется, месье! – проворный человек тут же отодвинул для посетителя желаемый стул.

Тот уселся медленно, вытащил из красивого кольца белоснежную, твёрдую от крахмала салфетку.

– Вам тут удобно? – улыбался метрдотель.

– Да, пожалуй..., – князь всё ещё оглядывался. – Принесите мне уже меню, и винную карту не забудьте.

– Конечно, месье! – отвечал распорядитель зала и быстро ушёл к своей конторке.

А брат Ярослав огляделся. Он успел вовремя. Час назад, или чуть больше, брат Вадим, что вёл съемку у проходных верфей и как раз покинул свой пост вместе с братом Аполлинарием, заметил группу молодых людей, вышедших из ворот, шедших по улице и ловивших извозчика. И люди те не походили на персонал верфи. «Офицерики. Бриташки», – подметил брат Вадим и, отдав мешок с фотопластинами Квашину, сам последовал за ними. Просто так, рутинная работа, сбор информации, которая скорее всего и не пригодится.

И когда группа из четырёх англичан, а это были именно они, так как разговаривали они меж собой на своём языке, наконец поймала экипаж, старший из них произнёс всего одно слово: «Англетер».

Брат Вадим, быстро добравшийся до гостиницы, в которой находился «князь», сообщил ему об этом. Сообщил просто так: мол, англичашки таскаются в эту гостиницу.

А тот вдруг стал чуть не бегом собираться.

– Моя нательная кираса где? А, вот она... Помогите застегнуть!

– Чего ты взгоношился-то? – удивился брат Вадим, видя, как великосхимный торопится. Он подошёл к своему начальнику и помог тому застегнуть удивительно лёгкую кирасу. – Мысли есть, что ли, какие по поводу линкора?

– В том-то и дело, что никаких мыслей у меня нет. Вообще никаких, – князь быстро накинул шикарную рубашу и стал застегивать пуговицы. – Уже голову всю сломал себе. Не знаю, как к нему и подступиться.

– И что будем делать?

– Не знаю... Не знаю..., – надевая панталоны, отвечал ему брат Ярослав. – Посему буду пробовать. Пообщаюсь с офицеришками. Погляжу на них, послушаю, может хоть что-то наклонится.

– Нам тебя прикрывать? – спросил вошедший в покои «князя» и сразу всё понявший брат Валерий.

– Да, и не стойте столбами, видите, тороплюсь! Брат Вадим, штиблеты подавай, а ты, брат Валерий, иди закажи экипаж, раз наш в ремонте ещё. И побыстрее.

Глава 13

– А к чему спешка такая? – удивлялся Варганов, подавая товарищу после штиблет его роскошный лиловый жилет. – И мыслей нет, и плана нет, а торопимся, как на пожар.

– Был бы хороший план, так я бы тут сидел, вино пил, – отвечал ему брат Ярослав, накидывая жилет. – В том-то и беда, что ничего придумать не могу. На меня люди брата Тимофея как на чудотворца смотрят, чуда ждут, дурни, а нет у меня для них чуда.

– А зачем же ты нас заставил офицеров с линкора фотографировать? Зря, что ли, работаем? – не отставал от начальника брат Вадим, на сей раз протягивая ему тяжёлую длинную цепь, на которой «князь» носил свой «о де Колонь».

– Что за дурь! – фыркнул «князь». – Если просто составите карту британских офицеров линкора с фотографиями, даже за это Святые отцы скажут нам спасибо. Линкор – флагман, краса и гордость британского флота, на нём случайных людей нет. Офицеры здесь отборные,

цвет флота, да и матросики им подстать. Так что фотографируйте, фотографируйте, – он уже надел сюртук и подошёл к зеркалу. – Кстати, а скольких вы уже сфотографировали?

– Шестнадцать снимков сделали. Которые из этих шестнадцати офицеры, нужно будет ещё выяснить, – брат Вадим подал великосхимному цилиндр и трость.

– Там, на линкоре, их человек пятьдесят офицеров, – заметил брат Ярослав, натягивая перчатки и надевая цилиндр. – Так что работайте, братия, работайте.

Туалет был закончен. Великосхимный придирчиво разглядывал себя в зеркале и, кажется, был собой доволен, а стоящий рядом с ним и разглядывающий своего руководителя брат Вадим заметил почти с восхищением:

– Хорош! Опричник царский!

***

Теперь «князь» разглядывал винную карту – прямо напротив стола, за которым обедали четверо молодых англичан. Сидел он к ним так близко, что мог расслышать отдельные фразы, которыми те обменивались во время обеда.

А говорили они, как и положено всяким служивым людям, конечно, о службе. Ну а о чём же ещё? Кажется, обсуждали своего строгого командира, который, как понял Горский, иногда делал им выговоры без должной учтивости.

– Словно матроса какого отчитывал! – жаловался один из них. Это был небогатый офицер, так как в отличие от своих товарищей надел под партикулярное платье форменные башмаки, а не модные лакированные туфли, в которые были обуты трое остальных его товарищей. К тому же у него была на часах серебряная цепь, тогда как все остальные носили золотые.

– Это что! – отвечал ему рыжий и плечистый молодой человек, сидевший напротив него. Судя по всему, он не принадлежал к кровной британской аристократии; скорее всего, его предки, кельты, выбились из нищеты торговлей или разбоем и заняли какое-то не последнее место в британском обществе. Подробных людей истинные англосаксы допускали в свой круг, но адмиральские чины подобным выскочкам не полагались. Почти. – Он в прошлую вахту сделал мне замечание при матросах. Даже не удосужился отвести меня в сторону. И за что? Вы не поверите, джентльмены! За то, что на поручнях трапа была грязь, и он испачкал перчатки!

– Вам, Дженкинс, нужно чаще бывать в своей боевой части! – флегматично заметил ему один из офицеров; кажется, он был старший по званию среди них и поэтому говорил чуть назидательно. – Матросская сволочь, если за ней не приглядывать и не вразумлять время от времени, начинает ужасно лениться. Если вы будете полагаться только на унтеров, вы и представить себе не можете, как не только поручни быстро зарастут грязью, но и важнейшие механизмы перестанут работать. И вы...

Дальше брат Ярослав не расслышал, так как к нему подошёл официант и с елеинной улыбкой поинтересовался:

– Прикажете принести что-то?

– Ты не видишь, болван, что я ещё смотрю вашу винную карту? – с заметным раздражением на своём прекрасном немецком отвечал ему «князь». – Когда выберу, я тебя позову.

Официант исчез, а брат Ярослав снова напряг слух, и хотя в большом не пустом зале расслышать их было непросто, он всё-таки слышал, о чём они говорят.

– Чернь понимает только приказы, единственное возможное взаимодействие с низшими слоями – это безоговорочное утверждение своей воли, и имейте в виду: приказ, не подтверждённый силой, чернь просто игнорирует! – продолжал вещать старший из офицеров, он наколот на вилку кусочек и не ел его, пока не закончил свою речь. – И никакой свободы воли, никаких гегелей, никаких шопенгауэров, никаких вольтеров и всей это франко-немецкой чуши про личность и свободу выбора; только суровая и непреклонная воля англосакса может держать чернь в повиновении, а мир в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.